

Багдадский вор

Автор:

Андрей Белянин

Багдадский вор

Андрей Олегович Белянин

Багдадский вор #1

О благословенный город, воспетый Шахерезадой! Высокие минареты, пение муэдзинов, призывающих правоверных к вечерней молитве... И вот уже лучатся яркие звезды на бархатном фиолетовом небе. Дурманивший аромат ночи, трепет листьев чинар. Топот арабских скакунов – грозные стражи порядка спешат в свои казармы. И наконец, монотонный стук колотушки и убаюкивающий голос: «Спите, жители Багдада, все спокойно! В Багдаде все спо...» О горе! Вай мэ! Уже несколько дней не знает сна и покоя главный правитель города наимудрейший Селим ибн Гарун аль-Рашид. Вай дод! Рыщет по всем улочкам и проулкам его верный слуга, высокородный господин Шехмет, и ищет он Багдадского вора по имени Лев Оболенский!

В общем, не обошлось здесь дело без таинственных волшебных сил...

Заскучал как-то великий сочинитель рубаи Хайям ибн Омар и решил залить тоску содержимым старинного кувшина, из которого и не замедлил появиться очень черный и очень веселый джинн. На радостях пообещал дух выполнить три желания. Старый борец за справедливость, Хайям давно мечтал о достойном преемнике. Но так как джинн был нетрезв, иными словами – «в стельку пьян», то и оказался наш голубоглазый герой, москвич нового тысячелетия, потомственный дворянин на... средневековом Востоке...

Андрей Белянин

Багдадский вор

«Бисмилляи ир-рахман ир-рэхим!»

Вознесём молитву к престолу Всевышнего и с молитвой начнём наше повествование. Воистину велик и мудр Аллах и бессмертны деяния его... Ибо осенил он благодатью своей души правоверных и возвёл к небесам руки свои, извечно благословляя славный город Багдад. И правил тем городом могучий эмир Селим ибн Гарун аль-Рашид, чьё громкое имя из века в век будут прославлять благодарные мусульмане. Сурово искоренил он один из самых страшных пороков души человеческой – воровство! Зорки были его стражи, неподкупны судьи и суровы палачи – кровь рекой лилась на плахах, и ни один грешник не избежал заслуженной кары! Но горек был день, когда на улицах спящего Багдада появился молодой человек с кожей белой, как снега Шахназара, и глазами голубыми, как купола Бухары, а гордое имя его звучало подобно бубнам Хочкара – Лев Оболенский!

Очень коротенькая биографическая справка: «Оболенский Лев Николаевич, 1967 года рождения, русский, прописан и проживает в городе Москве. Женат, имеет годовалого сына, работает помощником прокурора. Рост выше среднего, телосложение крупное, волосы тёмно-русые, кудрявые. Действительный член Дворянского собрания России, потомок древнего аристократического рода. Всего в жизни добивался сам...» Натура разносторонняя, увлекающаяся, что, впрочем, не мешает ему иметь трезвый взгляд на реальные вещи. До описываемых нами событий – ни в чем предосудительном не участвовал, фантастику не читал и всё произошедшее с ним долгое время скрывал даже от друзей. Мы были знакомы достаточно давно, но встречались редко: я не каждый день бываю в Москве, он в Астрахани – ещё реже.

Так вот, год назад, случайно прочтя мою автобиографическую книгу о приключениях тринадцатого ландграфа, Лев позвонил и поделился очень загадочной историей. Проблема переселения душ и множественности воплощений человека на этой земле волновала умы не одного поколения. Думается, что этот рассказ внесёт свою скромную лепту и, быть может, послужит для кого-то уроком. К моему дружескому предложению написать что-либо на эту тему сам Оболенский отнёсся довольно скептически. Мне так

и не удалось убедить его в том, что вся эпопея, сделавшая его знаменитым Багдадским вором, в должной мере оригинальна и поучительна. Но, увы... прочтя мои первые намётки романа, Лев сказал, что это никому не будет интересно, потому как тысячу раз уже было и в кино, и в литературе, и наотрез отказался ставить своё имя в соавторах. А посему прошу видеть во мне, а не в господине Оболенском, истинного автора сего повествования. Итак...

Лев не верил в сказки. Москва вообще очень быстро отбивает у своих детей веру в чудеса. Слезам столица традиционно не верит, но щедро наделяет взамен холодным практицизмом, трезвой расчётливостью, привычкой полагаться исключительно на себя и особой, только москвичам присущей, гордостью. Приезжие единодушно называют москвичей высокомерными снобами. Это ложь! С полной ответственностью заявляем, что настоящие, коренные жители столицы – народ общительный, хлебосольный и чрезвычайно деловитый. Если вы приехали сюда в первый раз – вам не откажут в ночлеге, накормят ужином, поддержат советом, но, увы, на этом всё. Превыше всего москвичи ценят в человеке самостоятельность. Тебе помогли? На следующее утро берись за дела, барахтайся, как можешь, но выплывай сам. Сажать тебя на шею никто не обязан... Думаю, что подобное лирическое отступление немного поможет вам понять характер нашего героя и не удивляться, почему он порой поступал так или иначе.

Дело в том, что памятным утром середины января позапрошлого года на Льва Оболенского неожиданно свалились самые настоящие чудеса. Сначала был сон... Длинный, маловразумительный сон, мучивший его почти полночи. Лев дважды просыпался в холодном поту, ругался, чашками пил кофе на кухне, ложился вновь, но сон возвращался с завидным постоянством. Чёткого сюжета в нём не было, а суть неизбежно сводилась к одному – смерти! Вроде бы он, Лев Николаевич, разгуливает по сказочной Бухаре, словно сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи». Щёлкает дорогим фотоаппаратом, грызёт арахис в меду, чуть улыбается проходящим красоткам в чадрах и, как вежливый российский турист, никого не обижает. Шумит восточный базар, размахивают руками крикливые торговцы, взад-вперёд снуют босоногие мальчишки; нищие, гнусавя, просят подаяния... А небо над головой – синее-синее, облака белые-белые, и огромный диск солнца похож на золотой казан самого эмира! Утомлённый Лёвушка останавливается в тени навеса торговца редкими тканями. Вытирает пот со лба, улыбаясь, пытается на пальцах объяснить хозяину, что ничего не покупает, зашёл просто так... Лицо лавочника становится злым, он хватается Оболенского за руку и тонко кричит на весь базар:

– Этот человек – вор! Он украл тень! Он наслаждался её прохладой и не заплатил ни таньга!

Сначала москвич громко смеётся, как бы над удачной шуткой... но когда появлялась какая-то устаревшая стража... с копьями, кривыми мечами, и его пытались обезглавить прямо у прилавка – за воровство! – Лев кричал и... просыпался. Во второй раз всерьёз обеспокоенная жена предложила ему валерьянки. Оболенский встал, с тоской взглянул на часы и, поняв, что уснуть всё равно не удастся, отправился в ванную. После душа и завтрака с остатками вчерашнего торта он не придумал ничего умнее, кроме как отправиться на работу. Контора открывалась в девять, но Лев счёл, что вполне убедит ночного охранника пропустить его в такую рань. Следующее действие произошло на улице, сразу по выходе из подъезда. К нему привязался старый узбек, один из тех бродячих попрошаек, что заселили сейчас едва ли не весь Киевский вокзал. Старик, видимо, не знал ни слова по-русски, только кланялся и, поминая Аллаха, совал под нос Льву затёртую до дыр тюбетейку. Москвичи не любят давать милостыню, особенно тем, кто её, по сути, вымогает. После третьей попытки обойти настырного старика Оболенский вспылил, достал из кармана рубль и приготовился высказать азиату всё, что он думает об их занюханном, но суверенном Востоке. А старый узбек вдруг, глаза в глаза, уставился на молодого помощника прокурора, хлопнул себя тюбетейкой по колену, ощерив в улыбке редкие острые зубы:

– Ай, шайтан! Якши шайтан! Весь Багдад его ищет, а он тут гуляет... Настоящий шайтан, клянусь бородой пророка Мухаммеда! – И узкоглазый дедок вновь забормотал что-то узбекское, бодро хромая в обратную сторону. Лев от избытка чувств шумно выругался матом, нарвавшись на ответное воронье карканье с ближайшего мусорного ящика. Третье событие произошло по дороге на работу и оказалось роковым. Москва – деятельный город: даже если вы отправляетесь на работу в шесть утра, то всё равно пойдёте в плотной толпе таких же ранних пташек. У каждого свои планы, свои заботы, свои сложности – до ваших проблем никому дела нет. И всё-таки Лев не мог отвязаться от ощущения того, что за ним кто-то следит. Сначала он гнал от себя это чувство, как первый признак паранойи. Потом начал невольно оглядываться в поисках того, кто так упорно сверлил его спину взглядом. На улице, в троллейбусе, в переходах метро, в поезде – везде его преследовали незнакомые глаза, колющие, как рентгеновские лучи. Они были повсюду – слева, справа, сзади, сверху, снизу. Лев всей кожей ощущал нереальную физическую мощь направленного взгляда, но никак не мог встретиться с преследователем глаза в глаза... Сначала это даже тревожило, потом стало раздражать! Дворянская кровь Оболенских

никогда не отличалась долготерпением, а уж о трусости в их роду вообще не слышали. Когда разгорячённый невидимым соглядатаем Лев встал на пороге своей конторы и резко обернулся, его голос действительно походил на рык царя зверей:

– Какого чёрта?! А ну выходи, подлец, и поговори со мной как мужчина с женщиной! Или, клянусь аллахом, я...

С чего ради он стал клясться светлым именем всевидящего и всемилостивейшего, Лев не в состоянии объяснить до сих пор. Видимо, слишком много восточного в тот день свалилось ему на голову... А в ту скорбную минуту его ботинок самопроизвольно соскользнул с порога госучреждения, и благородный господин Оболенский всем весом опрокинулся на спину, тяжело ударившись затылком о холодный асфальт. Как его поднимали, вызывали «скорую» и везли в больницу – он не помнил. Главным для нашего рассказа остаётся одно: молодой человек впал в глубокую кому, и всё, что мы знаем о его тогдашнем состоянии, почерпнуто из скудных строчек медицинских отчётов:

«...дыхание ровное, пульс непрерывный. Больной не реагирует на посторонние раздражители. Отечественная медицина не располагает средствами, способными эффективно улучшить состояние пациента. Ведутся переговоры с американской клиникой в Нью-Джерси. Их опыт работы с больными в состоянии комы более обширен, хотя, по утверждению самих американских специалистов, полной гарантии у них тоже нет...»

* * *

Путешествие в Арабские Эмираты со скидкой, в багажном отделении...

Всё ещё Горящие Путёвки

Лев пришёл в себя от невразумительного шума. Два голоса, яростно споря, ругаясь и перекрикивая друг друга, пробивались в его затуманенное сознание... Сначала он даже счёл их появление новым дурацким сном. Глаза открывать не хотелось по причине безумно болевшего затылка, наверняка его стукнули

паровозом... Что такое паровоз, Лев не знал, но почему-то был уверен, что эта штука очень тяжёлая. Он ощущал своё тело непривычно лёгким, руки и ноги словно висели в воздухе, а вот припомнить, что конкретно с ним произошло и где он сейчас находится, – никак не удавалось. Не желая усложнять себе жизнь натужным шевелением мозгами, Оболенский расслабился и более благосклонно прислушался к настырным голосам, продолжающим незаконченный спор...

– Ты старый, бесполезный, пьяный, тупоумный джинн! Кого ты мне притащил, чтоб Азраил пожрал твою печень?!

– Я не старый... Мне всего двенадцать тысяч лет, а по меркам джиннов...

– У-и-ий, он ещё спорит со мной?! Ты прожил столько веков, а ума в твоей пустопорожней башке – как в пересохшей тыкве! Не позорь мою седую бороду, скажи ради аллаха, кого ты приволок в эту хижину?

– Ты просил молодого, сильного человека, не знающего страха перед законом, смеющегося над эмиром, плюющего на происки шайтана и, самое главное...

– Самое главное, ослоподобный Бабудай-Ага, чтобы он был неместным и никто не знал его в лицо!

Здесь разговор прекращается по причине длинного перечисления цветистых арабских ругательств. Тот, кого называли джинном (или Бабудай-Агой), оправдывался односложно и как бы нехотя. Зато второй, чей визгливый, старчески дребезжащий голос буквально резал уши, украшал свои проклятия столь поэтичными образами, что Лев невольно заслушался. Каждый аксакал на Востоке – обязательно мудрец, а каждый восточный мудрец ругается очень поэтично... Это юным и влюблённым позволено по глупости облекать свои мелкие страсти в дивные узоры рифмосплетённых строчек. Человек, поживший на свете, знает, как скоротечна молодость, а потому тратит благословенный дар Аллаха исключительно на ругань! Ибо в этом есть свой высший смысл передачи мудрости уходящего поколения легкомысленным юнцам, иначе они просто не поймут... Вот нечто такое и пытался донести до всего белого света неизвестный старик, распекающий неизвестного джинна. Оболенский попытался повернуться на бок, но тело отказывалось ему повиноваться, и он вновь сосредоточил внимание на голосах, которые звучали теперь так близко, что уши

начинали побаливать...

– Мне был нужен вор! Самый ловкий, самый неуловимый, самый искусный вор, чьё имя с восторженным придыханием произносили бы от вершин Кафра до низовий Евфрата. Его глаза должны быть подобны зелёным очам кошки из Сиама, руки – сильны и упруги, словно клинки Дамаска, шаг – неуловим и лёгок, подобно златотканым вуалям Каира...

– Вах, вах, вах... как красиво ты говоришь, господин мой!

– Я тебе не о красоте говорю, о козлоподобный сын безволосого шакала! Я спрашиваю: кого ты мне притащил?!

– Хозяин, он сильный, смелый очень и умный тако-о-й... Я два раза проверял, снами мучил, денег просил, присматривался, клянусь аллахом!

– Не смей произносить имя Аллаха, светлого и великого! О моё старое сердце, оно не выдержит праведного гнева, гложащего мои бранные кости... Молчи, молчи, гяур лукавый!

– Ну гяуром-то зачем обзывать...

Лев почувствовал, как у него чешется нос. Поверьте, человек может стойко перенести многое, но, когда нет возможности почесать там, где чешется, – это одна из самых страшных пыток в мире. Может быть, его, спящего, укусил комар, может быть, по носу пробежал муравей, может быть, даже намеревался вскочить прыщ какой-нибудь, – не важно... главное, что Лев Оболенский всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями поднял казавшуюся эфемерной руку и упоённо поскрёб переносицу. Оба голоса дружно слились в единый вздох то ли умиления, то ли разочарования. Не прерывая почёсывания, наш герой открыл наконец глаза. И... закрыл почти сразу же, так как увиденное ничуть его не обрадовало. Вроде бы он лежит абсолютно голый на старом, давно не стиранном одеяле, прямо на полу в грязнейшей хибарке, а рядом с ним препираются, сидя на коврике, два странных субъекта. Один маленький и какой-то коричневый, другой высоченный и чёрный, как негр.

– Вай дод! У него ещё и глаза голубые?! О недоношенный щенок чёрной пустынной лисы, я в последний раз тебя спрашиваю: кого ты мне притащил?

Кожа белая, как брюхо у лягушки; плечи широкие, как у бурого медведя; пальцы тонкие, как у продажной женщины; глаза голубые, как... О, храни аллах, какой урод!!!

– Там, где я его брал, все такие страшные...

Вот тут уж господин Оболенский не сдержался. Во-первых, он решительно открыл глаза и огромным усилием воли сел. Голова сразу закружилась, но он не позволил себе даже малейшего проявления слабости. Во-вторых, Лев набрал полную грудь воздуха, чтобы обрушиться на грубиянов, но не успел. Он неожиданно поймал себя на том, что смотрит сквозь чёрного гиганта, словно бы тот был не из плоти и крови, а из закопчённого стекла.

– Господи Иисусе... – изумлённо сорвалось с его губ.

– Ва-а-х... – на почти истерическом писке выдавил старый, как карагач, дедок в застиранном халате и драной чалме. – Так он ещё и неверный! Христианин! О жёлтые почки протухшего верблюда, ты что, не мог найти кого-нибудь в мусульманском мире?! Сейчас же отнеси его обратно!

– Это второе желание? – уточнил джинн. – Тогда слушаю и...

– Не-е-е-т!!! – быстро опомнился старик, обеими руками цепко схватив Оболенского за ухо. – Он – мой! Я передумал! Вай... позор на мою седую голову... Как я могу подготовить себе достойную замену и навек отрешиться от дел, посвятив помыслы Аллаху, если бестолковый джинн приволок мне такое чудовище...

– А... вы о ком это? – Праведный гнев Льва мгновенно улетучился, сменившись скорее жадным любопытством, усугубившимся тем, что в голове у него было абсолютно пусто. И пусто, к сожалению, в самом страшном смысле этого слова...

– Вай мэ... – безнадёжно махнул рукой словоохотливый владелец чалмы. – Куда деваться, приходится брать, что дают... Скажи мне своё имя, о страшнейший и уродливейший из всех юношей Багдада!

– Не помню... – неожиданно для самого себя выдал наш герой.

– Как так не помнишь?!

– Так... не помню. И ухо моё отпустите, пожалуйста.

– Кто ты такой? Кто были твои родители? Чем ты занимаешься, какому ремеслу обучен? Откуда родом?

– Не знаю. Не помню. Понятия не имею, – честно отвечал Лев, а старичка, похоже, вот-вот должен был хватить сердечный приступ.

– Ходил ли в медресе? Читал Коран? Чтишь ли Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего?!

– Хозяин, он же христианин... – тихо вмешался Бабудай-Ага, но тут же получил своё.

– А ты вообще молчи, тяжёлый аромат коровьего помёта! Я просил доставить ко мне умного, красивого, вежливого юношу из хорошей семьи, с благородными манерами, правоверного мусульманина... А это что?! Неизвестно кто, неизвестно откуда?!

– Тот, кого ты описываешь, аксакал, ни за что на свете не согласился бы стать вором, – резонно возразил джинн. – А этот молодой человек будет в твоих руках послушной глины под пальцами умелого гончара.

– Я вспомнил! Вспомнил! – Обсуждаемый объект подпрыгнул на тряпках и выпрямился во весь рост. – Я – Лев Оболенский!

* * *

Тут я понял – это джинн, он ведь может многое...

Он ведь может мне сказать – враз озолочу!

Ваше предложение, говорю, – убогое.

Морды будем бить потом, я вина хочу!

В. Высоцкий. Из куплетов к «Старику Хоттабычу»

К сожалению, это оказалось единственным, что злая судьба даровала бывшему помощнику прокурора. Он сумел вспомнить только своё имя, ни больше ни меньше... Быть может, джинн как-то неправильно провернул волшебное заклинание или удар затылком об обледеневший асфальт не прошёл бесследно, – беднягу поставили перед свершившимся фактом. Лев абсолютно ничего не помнил, но врождённый оптимизм и непоколебимая вера в собственные силы всколыхнули в нём ту неистребимую, вечную жажду жизни, столь характерную для каждого истинно русского человека. Пусть он ничего не помнит и не знает, пусть он наг и одинок, но руки и ноги пока целы, голова на месте, а значит, он сумеет найти своё место даже в этом чужом мире! И ещё посмотрим, кому будет хуже...

Старика в чалме звали Хайям ибн Омар. Лев был убеждён, что где-то уже слышал это имя, но, естественно, никак не мог припомнить, где? Характер у старого Хайяма был вздорный, внешность – вроде сморщенной луковицы с козлобородой поросль. Как понял Оболенский, в молодости дедок отличался завидной крутизной нрава и наводил шороху везде, где мог. То ли был великим разбойником, то ли вором, то ли аферистом, в общем, крупным спецом по криминальной части... На старости лет начал пить, отсюда впадать в философию, пописывать нравоучительные стишки и вести в целом законопослушный образ жизни. В те времена власти решили ужесточить режим контроля над преступным элементом – и многие друзья и ученики старика были казнены на плахе без всякого суда и следствия. Бывший «авторитет» поклялся отомстить, но не сносить бы и ему головы, если бы по воле всемогущего Аллаха не обнаружил он в одном из старинных кувшинов не вино, а настоящего джинна! Бабудай-Ага выполз из горлышка пьяным в стельку, на радостях пообещав дедуле исполнить три его желания. Умудренный долгими часами размышлений над пиалой с креплёнными напитками, Хайям ибн Омар принял судьбоносное решение – найти себе достойного преемника и, передав ему всё своё мастерство, спустить этот бич божий на мирно спящий эмират. Всё ещё не совсем протрезвевший джинн отправился на поиски и... доставил в близлежащие от Багдада пустыни того самого Льва Оболенского, чьё тело на данный момент в состоянии комы возлежало под капельницей в НИИ Склифосовского. Как получилось, что один человек одновременно находился и тут и там, до сих пор никто не сумел более-менее связно объяснить... Джинн

за дорогу быстренько выветрил из головы весь алкоголь, а его теперешний хозяин, не переставая ругаться и жаловаться, носился взад-вперёд по хижине, лихорадочно размышляя: куда бы теперь пристроить этого голубоглазого великана? Внешность Льва мгновенно стала его минусом, а вот потеря памяти, наоборот, плюсом, ибо представляла поистине неограниченные возможности. Чем дедушка и не преминул воспользоваться...

– О возлюбленный внук мой, пользуясь благорасположенностью Аллаха, я спешу раскрыть тебе тайну твоего рождения. Будь проклят шайтан, лишивший тебя памяти... Но преклони свой слух к моим устам и внимай, не перебивая. Ты родился в славном роду великих воров Багдада!

– Вот блин... Саксаул, а ты точно уверен, что мои предки были большими уголовниками?

– Не саксаул, а аксакал! Аксакал – пожилой, уважаемый человек, а саксаул – это верблюжья колючка! Сколько можно повторять, о медноголовый отпрыск северных медведей?!

– Ладно, не кипятись... Я ж не со зла, просто слова похожие...

Старый Хайям мысленно вознёс молитву к небесам, прося даровать ему долготерпение. На самом деле Лев постоянно ставил своего учителя в тупик совершенно незнакомыми и явно немусульманскими словечками. Нет, память так и не вернулась к нашему герою, но его речь навсегда осталась яркой и самобытной речью молодого россиянина нашего века. Оболенский ни за что не мог бы объяснить, что означает то или иное выражение, но к нему быстро вернулся столичный гонор и особый, присущий только москвичам, «чёрный юмор», чаще приписываемый врачам и юристам.

– О'кей, дедушка Хайям! Общую концепцию я уловил, можешь лишний раз не разжёвывать. Родоков себе не выбирают, примиримся с тем, что есть. Ты только поправь меня, если я собоюсь с курса партии... Итак, как я тебя понял, все мои предки по материнской линии были валютными аферистами и мастрячили полновесные динары из кофейной фольги. Папашка был карманником, дед – конокрадом, дядя ввел рэкет на караванных тропах, и громкое имя Оболенских гроыхало кандалами от Алма-Аты до Бахчисарая. Кстати, как там фонтаны? А, не важно... Стало быть, я с малолетства был

передан тебе на воспитание и заколдован злым ифритом, чтоб ему охренеть по фазе конкретно и бесповоротно! Я правильно так цветисто выражаюсь? За пять с лишним лет эмир Багдада публично репрессировал всю мою родню, и они сгинули на Соловках. Тебе же удалось скрыться, подкупить Бабудай-Агу и в конце концов вернуть меня к жизни как общественно полезного члена коллектива. Верблюд моих мыслей дошёл до колодца твоего сознания, не рассыпав по пути ни зернышка смысла из хурджинов красноречия?

– Ва-а-х, как он говорит, хозяин... – восхищённо прищёлкнул языком чёрный джинн. – Клянусь аллахом, у него за плечами целых два медресе!

– Я понял только про верблюда, – сухо откликнулся Хайям, но Льва это ничуть не обескуражило.

– А теперь ты хочешь, чтобы я, как праведный сын нереабилитированного врага народа, взял в руки меч возмездия и обкорнал им бороду эмира? С моей стороны – нон проблем, вопрос лишь в отсутствии специальных навыков. Чёй-то мне кажется, что мой батяня не особо утруждался образованием отпрыска...

– Что ты хочешь сказать? – окончательно запутался дед.

– Я воровать не умею, – честно улыбнулся Оболенский.

– Ах, это... – безмятежно отмахнулся Хайям, и его узловатые пальцы сделали тайный знак наострившему ушки джинну. – Знай же, мой возлюбленный внук, что на самом деле ты являешься величайшим и искуснейшим из всех воров Багдада!

– Не может быть...

– Бабудай-Ага, подтверди! – торжественно приподнялся старик, и джинн, пробормотав привычное «слушаю и повинуюсь», кивнул, скрестив руки на волосатой груди. Массивное золотое кольцо в его носу даже задымилось от напряжения, а Лев ощутил лёгкое покалывание в кончиках пальцев. В хижине потемнело, огонь в очаге пригнулся, словно прячась от ветра, где-то далеко гроыхнули раскаты грома... Потом всё как-то резко оборвалось, на секунду вообще все звуки пропали.

Хитро сощутив и без того невозможно узкие глаза, старый азиат подсел поближе и протянул ладонь. На ней тускло поблёскивала маленькая медная монетка...

– Смотри сюда, видишь – это таньга. Сейчас я её спрячу, отвернись. – Хайям подумал, ощупал чалму, похлопал себя по бокам, порылся в лохмотьях драного халата и, едва удерживаясь от самодовольного хихиканья, спросил: – Ну, умнейший из молодых юношей с двумя медресе за плечами, где таньга?

– Вот... – Оболенский простодушно разжал кулак, демонстрируя лежащую у него на ладони денежку. Хайям ибн Омар буквально окаменел от такой непревзойдённой наглости, а Бабудай-Ага повалился на пол, гогоча, как сумасшедший:

– Он... он обокрал тебя! Клянусь аллахом, хозяин... этот человек и есть настоящий Багдадский вор! Вай мэ, вай дод, уй-юй-юй!!!

* * *

Даже лев может подавиться костью убитого им зайца...

Безутешная вдова-львица

Вы наверняка задаётесь логичным вопросом: каким образом русский человек так легко и непринуждённо заговорил на древнеарабском или персидском? Увы, мне нечем удовлетворить ваше любопытство... В первую очередь потому, что сам Лев этим таинственным обстоятельством заинтересовался только после того, как я лично его об этом спросил. Оболенский крепко задумался и в недоумении развёл руками – удобнее всего было бы свалить всё на безответственного джинна, тот всё равно не может за себя заступиться... Хотя лично я склоняюсь к одной из версий множественности миров: обычно человек, попадая в некое параллельное измерение, с удивлением обнаруживает способность говорить на всех местных наречиях. В самом деле, если бы владение языком Лев получил от чернокожего Бабудай-Аги, то что мешало джинну даровать ему и полное знание обычаев, традиций, религии и сложных общественных взаимоотношений Востока? Но, как нам известно, говорить Оболенский мог, а вот относительно всего прочего...

– Покажись, о мой высокорослый внук, дай мне ещё раз на тебя полюбоваться! Ах, вай мэ, ты горечь моей печени и печаль селезёнки... Легче одеть в халат самый большой минарет Бухары, чем тебя! А теперь повернись... Не-е-т!

«Хр-р-р-п-ш-уп!» – с тихим предательским треском сообщили рукава, превращая халат в жилет. Лев сплюнул, помянул шайтана и попробовал присесть. «Хр-р-р!» – раздалось снова...

– М-да... это не джинсы «Леви страус», – раздумчиво признал Оболенский. – Дедушка, ты мне такие колготки больше не бери, я из них вырос. Давай смотаемся до ближайшего фирменного магазина и купим мне приличные брюки.

– У, дебелий нубийский бык... – прикрыв ладонями лицо, простонал Хайям. – Внук мой, ты же вор! Тебе нельзя ничего покупать, ибо это недостойно и оскорбительно для представителей нашего ремесла. Ты можешь только красть!

– Как скажешь, саксаул...

– Аксака-а-л!!! Вай дод, что я буду делать с этим недоношенным царём зверей?! Меня поднимет на смех весь Багдад! Как ты сможешь отстоять семейную честь против Далилы-хитрицы или даже самого Али Каирского? Я уж не говорю о сотне молодцов Шехмета из городской стражи... Тебя поймут, как только ты сделаешь первый шаг из нашей благословенной пустыни в сторону караванных троп!

– Японский городской, так мы ещё и в пустыне?! – ахнул Лев, впервые за последние два часа заинтересовавшийся тем, что находится за порогом стариковской хижины. Откинув полог, он решительно шагнул наружу и замер, сражённый... Стоял тёплый летний вечер. По линии горизонта, насколько хватало взгляда, высились золотые барханы, с одной стороны залитые оранжевым светом заката, а с другой – играющие глубокими голубыми тенями. Небо над головой казалось пронзительно-синим и кое-где уже искрилось праздничными хрусталиками звёзд. А воздух... Какой освежающий воздух бывает в пустыне на исходе дня! Потомственный русский дворянин, Багдадский вор, Лев Оболенский долгое время молчал у забытой богом хижины,

восторженно вглядываясь в бескрайние пески и размышляя, почему же всё это кажется ему таким новым и незнакомым...

Хайям ибн Омар поставил эту грубую конструкцию из жердей, шкур и почерневшего войлока ещё в незапамятные времена, когда был куда моложе своего нынешнего «внука». Невысокая гранитная скала сзади укрывала жилище от ветра и дарила тень. Три пальмы, старый колодец, дававший не больше одного ведра воды в день, да скудные запасы муки и риса – вот и всё хозяйство. На самом деле у Хайяма был маленький домик в Бухаре, где он доживал последние годы в обнимку с кувшином, а о старом убежище в пустыне он вспомнил, лишь когда в пьяном угаре поклялся Аллаху найти, для усмирения гордыни эмира, нового, молодого преемника. Всё остальное вы знаете, а потому продолжим...

– Дедуля! Всё, вернулся я. Надышался чистым воздухом и вновь припадаю к стопам твоей мудрости с пылкими лобзаниями...

Оболенский широко распахнул объятия и, поймав не ожидавшего ничего подобного Хайяма, от души прижал старца к могучей груди. Аксакал трепыхался и дёргал ногами в тапочках. Бесполезно... Лев выпустил несчастного, лишь до конца исчерпав весь запас внучатой любви. Потом, прищурясь, огляделся и шагнул ко второй безответной жертве:

– Бабудай-Ага, какого лешего?! Сидишь тут у огня, уже чёрный весь, копаешься в золе, словно Золушка какая... Давай украдём где-нибудь ящик пива и хряпнем за знакомство?!

– И думать не смей, шайтан кудрявый! А ты куда?! Сядь! На место сядь, о глупейший из джиннов... – мгновенно очнулся старик, как только Бабудай охотно вскочил на ноги, с благодарностью принимая предложение Льва. – Что ещё ты придумал, неразумный отрок?

– А что не так? Я же вроде правильно сказал: «украдём»! Честь профессии превыше всего...

– Остановись! – строго и торжественно попросил Хайям ибн Омар, и на лицо его опустилась тягостная тень воспоминаний. – Послушай старого человека, и ты поймёшь, как страшно расходовать талант, дарованный тебе Аллахом,

на низменные цели. Христиане говорят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Любой мулла подтвердит тебе, что «Мухаммед осеняет благодатью каждого, кто хочет его слушать. Кто не хочет, не услышит слов пророка. Но шайтан сам лезет в уши и к тем и к другим!». По сути своей это одно и то же... Эмир Багдада решился на праведное дело – он возжелал искоренить порок. Любой вор должен получить свою кару! И они получили... Все, от мала до велика. Прощенья не было никому. Сначала виновному отрубали руку... Джигит, укравший у бая коня для уплаты калыма; старик, подобравший плод, упавший с ханского дерева; женщина, схватившая горсть овса для голодных детей; ребёнок батрака, утолявший жажду из арыка богатого соседа... Стражники волокли всех! Ибо порок должен быть наказан, и праведность торжествовала победу на залитых кровью плахах... От закона не уходил никто, и перед законом эмира все были равны!

– Э... я, наверное, хочу извиниться...

– Молчи! Кто тебя учил перебивать старших?! – прикрикнул старик, но, глянув на поникшего Льва, смутился и даже погладил его по голове. – Прости меня, о мой непослушный внук... Я дряхлый, выживший из ума верблюд, брызгающий слюной на всё, что не поддаётся его пониманию. Ты – молодой, горячий, на твоём челе печать избранности... Прошу тебя – не трать своих сил в погоне за отражением луны в колодце, но накажи эмира!

– Да я всего лишь...

– Накажи его! Достойно накажи самого могущественного человека нашего Багдада. Ты должен это сделать, ибо, не удовлетворясь отрубанием рук, великий Селим ибн Гарун аль-Рашид приказал рубить головы!

– Что?! – обомлел Лев. – Даже детям?

Хайям и Бабудай-Ага скорбно кивнули. Не будем врать, будто бы Оболенский всю жизнь был праведным поборником справедливости, как, впрочем, и вместилищем всех грехов... Нет, в его русской душе одновременно уживались и буйный гнев, и братская любовь, и врождённое благородство, и лихое пренебрежение условностями, а кроме того, у парня было большое сердце... Сталкиваясь по роду своей профессии с разными уголовными маньяками, он яростно ненавидел всех негодяев, избиравших жертвой наиболее слабую

и беззащитную категорию – невинных детей.

– Дедушка Хайям, шутки побоку, что я должен сделать? Обворовать эмира?!

– Этого мало...

– Замочить его в сортире? Ну, в смысле убить...

– Ай-яй, зачем говоришь такие слова? Ты же вор, о мой бестолковый, но уже почти любимый внук! Вор, а не убийца. Ложись спать. Завтра тебе предстоит долгий путь в славный город Багдад, да сохранит его Аллах вечно. Что же касается эмира... Я назову тебе имя человека, при помощи которого ты смешаешь грозного Селима с придорожной грязью. Но это – завтра! Сейчас – спи.

– Э... господин, – шёпотом поинтересовался джинн, когда Оболенский со вздохом попытался поудобнее устроиться на старой кошке, – а что ты там говорил о каком-то пиве?

– Пиво... – попытался припомнить Лев, облизывая губы. – Пиво – это, брат... это – религия! И пить его надо непременно ящиками...

– Ва-а-й, но Аллах запрещает правоверным пить вино!

– Вино? Правильно запрещает, – сонно кивнул будущая гроза Багдада. – Но пиво... Пиво Аллах пьёт! И ещё как! Можешь мне поверить.

На том и уснули. Льву снилась заснеженная Москва, троллейбусы, Арбат, храм Христа Спасителя, только он всё равно не помнил, где это находится...
А пробуждение было ранним...

* * *

Верь в себя, ибо без воли Аллаха и волос не упадёт с головы твоей!

Слабое утешение лысых

Чёрный джинн растолкал его, когда солнце ещё только-только высунуло первые лучики из-за самых дальних барханов. Старый Хайям уже был на ногах и что-то укладывал в потёртый полосатый мешок. Заспанному Льву сунули в руки кусок сухой лепёшки и горсть липкого урюка. Умыться не позволили, экономя воду, но вдосталь напиться дали. На этот раз отошедший от дел составитель рубаи был категорично немногословен, на вопросы отвечал односложно либо вообще отмалчивался, отворачиваясь в сторону. Как более-менее выяснил Лев, Хайям ибн Омар намеревался отправить его в Багдад, а сам перенестись, с помощью джинна, куда-то на отдых. Тот факт, что его «уважаемый дедушка» едет на курорт, оставляя единственного «внука» мстить всемогущему эмиру, Оболенского нисколько не напрягал. Выросший в суровых условиях российской столицы, молодой человек полагал совершенно естественным то, что его, словно слепого котёнка, бросают одного в самую гущу водоворота жизни.

Да нормально... Наоборот! Если бы старик уговаривал его остаться, Лев наверняка бы сбежал сам – сидеть на шее пожилого человека он не позволил бы себе никогда. А потому он потуже затянул пояс кое-как восстановленного халата, подтянул дырявые штаны, сунул ноги в разбитые чувяки и с лёгким сердцем шагнул за порог хижины.

– Мешок возьми, – напутствовал его Хайям, и в глазах старика предательски блестели искорки влаги, – там еда, воды немного. Вот деньги еще, три дихрема медью... не спорь! Бери, купи себе место в караване. Через два дня будешь в великом Багдаде, а там уж решай сам... Я не смогу о тебе позаботиться.

– Да ладно, справлюсь как-нибудь... – беззаботно ответил Оболенский, принимая из рук джинна мешок и маленькую тюбетейку. Национальный головной убор еле-еле уместился у него на макушке, выделяясь белым узором на фоне тёмно-русых кудрей.

– У караванщиков не воруй – побьют, – сразу предупредил старик. – Скажешь караван-баши, что тебе нужно найти лавку Ахмеда-башмачника, криворукого и плешивого, как коленка. Он приютит тебя... Постарайся найти Ходжу Насреддина, это ловкий юноша, веселит народ и успешно скрывается от слуг эмира. Целуй полы его халата и проси взять тебя в ученики. С его помощью ты одолеешь Селима ибн Гаруна аль-Рашида...

– Насреддин, Насреддин... что-то смутно припоминаю... – задумчиво пробормотал Лев. – Это не тот, что ездит на сером ослике, кидает лохов и травит байки при каждом удобном случае?

– Ва-а-х! – тихо восхитился джинн. – Хозяин, он и вправду много знает!

Хайям сердито цыкнул на него и вновь повернулся к герою нашего повествования:

– Видимо, Аллах внушил тебе тайные откровения, о которых ведают немногие... Но на прощание прими несколько мудрых советов, и, если они дойдут до твоего сердца, ты проживёшь долгую и счастливую жизнь. Не пей вина! Никогда не доверяй женщине! Почитай Аллаха всемилостивейшего и всемогущего превыше всего на земле!

– Вот те крест! Не подведу... – искренне поклялся Оболенский, широко осеняя себя крестным знамением. Старик в ужасе прикрыл глаза ладошками и тихо застонал. Похоже, все его потуги гуськом шли насмарку. Из этого северного тугодума никогда не получится настоящего вора! Но... отступать уже некуда и некогда. Дело сделано, и с чисто восточным фатализмом уважаемый Хайям ибн Омар постарался довести всё до конца...

– Вон там, за тем большим барханом, – караванная тропа. Четырнадцать вьючных верблюдов, идущих из Бухары с ценной поклажей, будут там, едва солнце вознесётся к зениту. Тебе надо спешить... Во имя Аллаха, да будет он вечен на небесах, я благословляю твой путь!

– Что ж... и тебе до свидания, дедушка Хайям. – Будущий вор попытался вновь обнять «родственничка», и тот не протестовал. – Ты пришли открытку из своего санатория, а как наотдыхаешься – звони. Или лучше сразу приезжай, я сниму какой-нибудь домик в Багдаде и буду ждать.

– Приеду... обязательно... когда-нибудь... – стыдливо опустив глаза, забормотал старик, а Лев, помахав рукой, широким шагом двинулся в направлении указанного бархана.

– Бабудай-Ага! Береги дедулю! Вернетесь вместе – с меня пиво-о...

– Он хороший человек, хозяин... – задумчиво признал джинн, когда Хайям развернулся обратно к хижине.

– Хороший... только вор из него плохой... Никудышный вор! Городская стража схватит его в одно мгновение, а значит, ещё одна голова упадёт к ногам эмира. Этот юноша уже несёт на себе тень крыльев Азраила... Всё, больше ничего не хочу о нём слышать!

– Увы, мой господин, – криво улыбнулся чёрный Бабудай, – мне почему-то кажется, что ты ещё о нём услышишь... Клянусь шайтаном! Да мы все о нём услышим, и не раз...

А Багдадский вор – Лев Оболенский шёл себе и шёл, размашисто двигаясь к далёкому бархану, и знойное солнце Азии щедро заливало его дорогу золотом. Он не понимал, как мало подходит для той роли, что навязала ему злая судьба. Огромный рост, крупное телосложение, голубые глаза и светлая кожа – уже одного этого хватало, чтобы сделать его примерно столь же «незаметным», как медведя в гербарии. Добавьте к вышеперечисленному полное незнание Востока как такового, чисто православную набожность, редкую (но меткую!) ненормативную лексику, да плюс ещё явное несоответствие системе общественных взаимоотношений, которой он собирался противостоять... Поверьте, я вас не запугиваю. Мне самому было безумно интересно понять психологию человека, искренне намеревавшегося проломить стену лбом. Крепким, упрямым, русским лбом... Оболенский впоследствии рассказывал, будто в его светлой голове на тот момент не было ни одной, даже самой захудалой, мыслишки о том, что он может и не... победить. То есть инстинкт самосохранения отсутствовал напрочь! Льву крепко «проехали по ушам», а так как он принял весь бред коварного Хайяма за чистую монету, то и вёл себя соответственно. Он – вор? Отлично, значит, будем воровать! Он должен отомстить насаждающему законы яйцеголовому эмиру с явными садистскими замашками? Да от всей широты необъятной славянской души! Селиму ибн Гаруну аль-Рашиду лучше было бы не ждать неизбежного, а резко прятаться где-нибудь в замороженных Гималаях, приняв монашество и отрёкшись от всех земных благ. Эмир этого не сделал – он просто не знал, что по барханам пустыни уже идёт его самый страшный ночной кошмар, Багдадский вор – Лев Оболенский!

* * *

Пустыня – от слова «пусто»...

Глубокое прозрение бедуинов

На караванную тропу он скорее выполз... Оказалось, что это не так близко, расстояния в пустыне обманчивы. А ходить по песку совсем не то, что по асфальту: ноги проваливаются по щиколотку и быстро устают. Спустя пару часов Лев взмок, как собака, снял чужаки, сунув их за пазуху, но каждый шаг всё равно давался с большим трудом. Опытный Хайям отправил его в путь на рассвете, когда солнце ещё не вошло в силу и можно было успеть добраться до места, не рискуя изжариться живьём. Для любого жителя Средней Азии трёх-, четырёхчасовая прогулка утречком по прохладному песочку была бы сущим развлечением, но изнеженному городским транспортом москвичу это казалось разновидностью смертной казни. Оболенский не помнил, где упал в первый раз, как потерял мешок с лепёшками (воду он выдул ещё в начале пути)... и, кувыряясь с очередного бархана, смачно ругался матом. Его лицо и руки мгновенно обгорели на солнце, став красными, словно их долго натирали наждачной бумагой. А обещанный караван спокойненько прошёл бы мимо, ибо спешил в Багдад, но Лев умудрился опоздать даже на опаздывающий караван (если так можно выразиться)... Его спасло только то, что замыкающей верблюдице неожиданно приглянулась одинокая колючка, и, пока она её дожёвывала, наш путешественник на пузе съехал вниз с соседнего бархана. Погонщик уже тянул верблюдицу назад, на караванную тропу, как вдруг узрел молодого человека, поймавшего бедное животное за хвост.

– Вах, вах... ты что делаешь, разбойник?! Сейчас же отпусти мою бедную Гюльсар, или я отважу тебя кизиловой палкой!

Оболенский кое-как поднялся на ноги, но хвост не выпустил. От жажды его горло пересохло, он пытался что-то объяснить, не сумел и в нескольких супервыразительных жестах дал понять азиату, что устал, что хочет пить, что очень торопится в столицу эмирата, что у него плохое настроение и что если погонщик ему не поможет, то...

– Ах ты, шайтан бесстыжий! – ахнул хозяин верблюдицы. – Да как ты посмел мне показывать руками такое?! Эй, правоверные!!! Саид, Ильдар, Абдулла, Бахрам, всё сюда, здесь оскорбляют мусульманина!

Лев раздражённо застонал, он же не мог предполагать, что самый демократичный язык жестов у разных народов может иметь разное значение. Караванщики сбежались на вопли товарища, как на сигнал боевой трубы.

Оболенского мигом окружило человек шесть с палками, плётками, а кое-кто и с кривыми ножами за поясом. Лев уже скромненько выпустил верблюжий хвост, а погонщик всё кричал, будто его обозвали плешивым пьяницей, не имеющим рода и не знающим имени отца, да ещё и сожительствующим с собственной косоглазой верблюдицей! Все ахали, возмущённо качали головами, цокали языками и уж совсем было взялись проучить бродягу-наглеца, как в дело вмешался сам караван-баши.

– Уй! Что галдите, как вороны на скотобойне?! А ну, быстро по своим местам, негодные лентяи! – Потрясая камчой, толстый человек на низкорослой лошадке сразу разрешил все проблемы. Поняв по одежде и манере властного хамства, что перед ним начальство, Оболенский отвесил поясной поклон, присел в реверансе, отдал честь и на всякий случай ещё отсалютовал рукой на манер «хайль Гитлер!».

– Ты кто такой? – Караван-баши носил имя Гасан-бея, отличался похотливым нравом, жадностью, подлостью и всеми отрицательными качествами, приличествующими прожжённому восточному купцу. Он мигом оценил рост и сложение виновника остановки, прикинул, сколько могут уплатить за такого раба на невольничьем рынке, и, махнув плетью, приказал дать Льву воды. Оболенский тоже был не дурак и умел худо-бедно разбираться в людях, поэтому, одним глотком осушив предложенную пиалу, он тягуче заныл чем-то безумно знакомую мелодию:

– А-а-а-я, дорогие граждане пассажиры! Прошу прощенья, шо потревожили ваш покой. Мы сами люди не местные, сюда приехали случайно, на вокзале у нас покрали билеты и деньги... А-а-а-я, помогите, кто чем может!

– Я спросил, кто ты такой? Отвечай, попрошайка! – Гасан-бей привстал на стременах и угрожающе замахнулся камчой. Если он привык поднимать руку на беззащитных людей, то в этот раз глубоко просчитался. Даже не моргнув глазом, благородный потомок русского дворянства вздёрнул подбородок и ледяным тоном сообщил:

– Я – агент! Специальный шпион ФСБ из тайной службы эмира. Брожу инкогнито по пустыням с секретным заданием и даю отчёт в своих действиях должностным лицам званием никак не ниже генерал-майора!

Раскосые глаза восточного купца невольно забежали под прокурорским взглядом потрёпанного афериста. Караван-баши мало что понял, но уловил общую концепцию: этот тип слишком самоуверен для простого бродяги. Поэтому он широко улыбнулся и приветливо предложил:

– Наверное, слишком утомился в пути, раз уже не вижу очевидного. Не давай своему гневу разгореться, о храбрый юноша, пойдём со мной, и ты откроешь мне имя твоих благородных родителей.

– Ага, как же, так я тебе всё и открыл... – буркнул Лев, но за всадником пошёл, справедливо полагая, что влияние этого толстого негодяя он сумеет использовать с выгодой для себя. Ну, в самом крайнем случае просто украдёт лошадь и сбежит... Правда, ездить он не умеет, но как именно надо красть лошадей, Оболенский откуда-то знал. Спасибо джину...

Гасан-бей и вправду принял молодого человека под своё покровительство, угостил мягкими лепёшками, овечьим сыром и даже пообещал дать вина, как только караван остановится на ночь. Лев царственно-небрежно принимал все знаки внимания, о своём «уголовном происхождении» разумно помалкивал и на неприятности не нарывался. Монеты, данные ему на дорогу дедушкой Хайямом, он так и хранил завязанными в поясе, никому ничего особенно оплачивать не собираясь. Старик немного переувлёкся, вбивая в его буйную голову этикет воровской чести. Не знающий разумных пределов, россиянин охотно впадал в крайности и мысленно поклялся себе: впредь ничего не покупать, а только красть, красть и ещё раз красть! К тому же караванщики, включая погонщиков и охрану, казались такими наивными, что не обворовать их было бы просто грешно... И, невзирая на предупреждения мудрого Хайяма ибн Омара, Лев твёрдо решил этой же ночью обокрасть весь караван! Вообще-то первоначально он и сам караван намеревался спереть (в смысле, всех вьючных животных с поклажей, а также личные вещи невинных граждан), но вовремя понял, что сбегать такой товар в пустыне будет непросто, а дорогу на Багдад он в одиночку не найдёт...

Путь был долгим. Мерная верблюжья поступь выматывала до тошноты. Дважды Оболенский просто засыпал, уткнувшись носом в пушистый холм верблюжьего горба. Оба раза просыпался оттого, что его страшно кусали какие-то мелкие паразиты, которые разгуливали по кораблям пустыни, как по натёртой палубе. Солнце палило нещадно! Если бы не старая добрая тюбетейка, наш москвич давно свалился бы с тепловым ударом. Пыль летела в нос, пески казались

нескончаемыми, а Лев начинал всё сильнее задумываться над одним очень принципиальным вопросом: если он родился и вырос на Востоке, как и все его предки, так отчего же ему тут так... некомфортно?! Где-то на исходе дня Гасан-бей объявил привал, и Оболенский уже точно знал, за что он не любит свою «малую родину» – за жгучий песок, несусветную жару и блохастых верблюдов!

* * *

Напилася я пья-а-ной,

Не дойду я до до-ому...

Песня злостной нарушительницы Шариата

...Когда Гасан-бей прилюдно предложил Льву провести ночь в его походном шатре, караванщики лишь криво улыбнулись. Древние традиции восточных народов вполне официально позволяли взрослому мужчине возить с собой мальчиков для «согревания постели». И хотя возраст нашего героя давно перешагнул даже за предельные границы юности, подобное приглашение со стороны купца не выглядело чем-то противоестественным. В самом деле, за еду, питье и охрану следовало платить, а раз молодой человек не предлагает денег, значит, он готов расплатиться иначе. Единственной наивной душой, не ведающей, зачем его пригласили в шатёр, был сам Лев Оболенский. Где-то в самых затаённых глубинах его памяти, на уровне тонкого подсознания, отложилась мысль о том, что если тебя зовут в отдельный закуток, намекая на выпивку, – то будет пьянка! Обычная мужская пьянка, на всю ночь, с долгими разговорами о женщинах и политике, короткими тостами, гранёными стаканами, килькой, колбасой и малосольными огурцами. Потом короткий сон, мучительное похмелье, пустые карманы и смутное ощущение полной амнезии... Примерно это и считается в России – «хорошо посидеть». У Гасан-бея были иные планы...

– О мой юный друг, давай вместе откупорим кувшин этого старого вина и, воздав хвалу Аллаху, наполним маленькие, китайского фарфора пиалы, дабы сердца наши возвеселились, а уста возрадовались!

– Хороший тост, – сразу же согласился Лев, удовлетворённо разглядывая накрытый купцом дорожный дастархан. – Только пить из этих пипеток я

не буду – это ж срамотища полнейшая! Неужели нельзя достать нормальную посуду?

Караван-баши подумал и освободил двухлитровую миску из-под винограда.

– Годится. И себе что-нибудь поприличней возьми. Я ж не забулдыга какой... Будем пить на равных!

– Конечно, о мой юный друг!.. Разумеется, о краса моих очей! Как ты захочешь, о немеркнущий светоч моего счастья! – радостно подтвердил Гасан-бей. Будучи сорокалетним мужчиной, опытным в делах такого рода, он наверняка надеялся, что после первой же миски молодой человек опьянеет и сдаст все позиции. Ну что ж... видимо, до этого момента он ни разу не пил с россиянином. В течение первого часа из шатра доносились поэтично-витиеватые славословия и громкий голос Оболенского грозно настаивал на том, что тостуемый пьёт до дна! Охрана и караванщики, ещё не успевшие уснуть, с лёгким интересом прислушивались к отдельно долетающим фразам:

– Э... не перебивай меня! Так вот, а Петька и говорит Василию Ивановичу...

– Вай мэ! Твое дыхание мирр и воздух благовонный! Твой стан – как кипарис, тебе подобных нету...

– А вот тебе, браток, лучше дышать в сторону... И насчет стана ты перебрал, но... в целом мне нравится! Давай ещё за добрососедские отношения?

– Твой взгляд как лик реки, рассвету отворённый! И тело – как луна по красоте и свету!

– Гасан, я щас прям краснеть начну...

Примерно спустя ещё минут сорок из шатра пулей вылетел красный караван-баши. Бочком-бочком, просеменив к сложенным тюкам с товаром, он вытащил ещё один кувшин и, честно стараясь держать равновесие, потрохал назад. Разочарованный вопль Льва разбудил едва ли не пол-лагеря:

– Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесёт! Нет, ну ёлы-палы... дай сюда, я сам разолью!

Теперь уже многим оказалось не до сна. Голос Гасан-бея звучал всё визгливее и односложней, с заметным спотыканием и искажением падежей.

Мужественный рык Оболенского, в свою очередь, только наполнялся благородной медью, а тосты, потеряв в размере, поражали лаконизмом и значимостью:

– За Аллаха! За его супругу! Как нет супруги?! Тогда за детей! Дети есть, точно тебе говорю... Мы – его дети! За мир во всём мире! Хрен шайтану!

Да здравствует товарищ Сухов! За улыбку твою! За Мухаммеда! За... чё, всё кончилось?! Гасан... это несерьёзно! Идём вместе...

На этот раз из-под откинутого полога вышел только Лев, счастливого в зюзу купца он почему-то выволок с другой стороны, приподняв тряпичную стену. Потенциальный насильник и неупоимая жертва в обнимку добрались до тюков и, невзирая на осуждающие взгляды истинных мусульман, уволокли с собой сразу три кувшина. Часом позже на ногах был уже весь лагерь! Проснулись даже невозмутимые верблюды. Хотя животные и утомились долгим переходом, но спать, когда пел Оболенский... не смог бы никто! Даже сам Лев ни за что не сумел бы вспомнить, откуда он знает тексты таких популярных на Востоке песен, как «Катюша», «Задремал под ольхой есаул молоденький», «Мальчик хочет в Тамбов» и классическую битловскую «Йестудей». Пьяно аккомпанирующего ему на пустом кувшине Гасан-бея это тоже несколько не волновало... Но самое главное, чуть-чуть подуспокоившись и добив остатки вина, наш нетрезвый герой откровеннейше признался собутыльнику, что он – вор! В ответ на это еле ворочающий языком купец, косея от усердия, шёпотом признал, что он – тоже! Всласть похихикав над этим страшно весёлым совпадением, оба умника дружно порешили сей же час пойти и всех ограбить... В смысле, обокрасть на фиг весь караван! Благо обнадёженные минутным затишьем люди, как убитые, повалились спать... Воспользовавшись этим приятным обстоятельством, алкоголики на четвереньках кое-как выползли из походного шатра и пошли на «дело». Гасан-бей пьяненько хихикал, потроша дамасским ножом тюки со своим же товаром. Лев нашёл где-то большой мешок и пихал в него всё, что плохо лежит. Впрочем, и что хорошо лежало, тоже не миновало мешка – порхающие пальцы «искуснейшего вора» виртуозно освобождали спящих от любых материальных ценностей. Особенно Оболенскому понравилось красть тюбетейки. Почему именно их? Попробуйте спросить

пьяного – вот втемяшилось, и всё! Когда мешок был практически полон, к молодому человеку, пританцовывая, дочикилял караван-баши. Судя по всему, он никогда в жизни не был так счастлив... Аллах действительно запрещает мусульманам пить вино, и правильно делает! Ибо по четыре с лишним литра на брата выдержанного креплёного красного уложат кого угодно, а уж эти двое оторвались от души... Гасан-бей напялил поверх дорогого халата чью-то рваную доху и завязал лицо чёрной газовой тканью, имитируя мавра. Ему это казалось очень смешным, и Лев вежливо похохотал вместе с главой каравана. После чего, вспомнив, что в шатре ещё что-то осталось, он опрометью бросился за вином. Кстати, зря... всё кувшины были пусты, и Оболенский, матерно определив несовершенство мира, рухнул, как дуб в грозу, уснув совершенно непробудным сном. Здесь комедия заканчивается и начинается трагедия... А начинается она с того, что хитроумный Гасан-бей, изображающий мавра, тоже поперся в шатёр, но по дороге споткнулся о двух погонщиков, и без того раздраженных грозowymi раскатами Лёвиного негодования... Узрев с полусонья несуразно одетого незнакомца с рулоном размотанной парчи под мышкой и ножом в руке, караванщики мигом сообразили, что происходит:

– Вай дод! Караул!! Грабят!!! Вставайте, правоверные, держите вора-а-а...

* * *

На хорошем воре – чалма не горит.

Профессиональный фокус

Глава бухарского каравана едва не задохнулся от пьяного смеха, глядя, как вокруг него быстренько группируются невыспавшиеся погонщики верблюдов. Ему-то наверняка казалось, что его сразу узнают и разделят веселье, видя, какую смешную шутку отчебучил их благородный господин... Гасан-бей не учёл скудного ночью освещения, своего маскарадного костюма и, самое главное, огромного мешка, валявшегося у его ног. Да, да, того самого, в который гражданин Оболенский старательно складывал всё, что успел умыкнуть у тех же караванщиков. На голову нарушителя заповедей Аллаха была наброшена драная кошма, а кизилловые и карагачные палки в умелых руках погонщиков споро взялись за работу, выколачивая из кошмы пыль. Ну и попутно вколачивая в «бессовестного вора» уважение к Корану... Бедный Гасан-бей взвыл дурным

голосом! Причём, на свою голову, настолько дурным, что народ сразу догадался: в кошме завернут сам шайтан! (Ибо человек так орать не станет, а уж правоверный мусульманин тем более.) Поэтому, дружно призвав на помощь Аллаха, погонщики удвоили усилия. Масло в огонь подлило ещё и отсутствие караван-баши. Двое пареньков помоложе быстренько сбегали к походному шатру, но внутрь заглядывать не решились, так как доносившийся богатырский храп ясно свидетельствовал о том, что спальное место не пусто.

А «шайтаноподобного вора» связали, не вынимая из кошмы, и, посоветовавшись, отложили до утра, на справедливый суд уважаемого Гасан-бея. Шум утих, украденное имущество кое-как разобрали, и лагерь быстро впал в короткий и сладкий предрассветный сон. А уж что началось утром, когда стонущий с похмелья Лев выпал из шатра, шумно требуя подать сюда его друга Гасана... Когда он собственноручно развязал кошму с побитым собутыльником и караван-баши клялся святой бородой пророка Мухаммеда, что он всех тут поперезарезет... Когда, после массовой экзекуции теми же кизиловыми палками, погонщики, почесывая задницы, гадали, кто же на самом деле воровал тюбетейки... Об этом можно было бы расписывать долго, но зачем? И без того наше повествование напоминает мне длинную дорогу в пустыне, где усталый взгляд путешественника замечает любую, самую маленькую деталь однообразного пейзажа, а вечера у костра улаживают слух чужеземца дивными сказками Шахерезады... Всё хорошо в меру, и описательность тоже, – для нас главное, что вечером того же дня караван Гасан-бея вышел к славному городу Багдаду. Но заночевать пришлось у его стен... По указу эмира городские ворота запирались на закате. Опохмелённый с утра Оболенский, подумав, счёл, что это ему только на руку, так как снова страшно хотел хоть что-нибудь украсть. Тащить весь караван не имело смысла, но и не спереть совсем ничего – тоже не радовало душу. Истинный вор не имеет права на лень и праздность, однако прежде стоило заpastись полезной информацией. И Лев отправился на поиски активно избегавшего его Гасан-бея...

– Что тебе надо, о лукавый искушитель?

– А хорошо ведь вчера посидели, Гасанушка...

– Вай мэ, думай, что говоришь, а?! Да на мне места живого нет!

– Так я и говорю: лучшее лекарство – накатить на грудь по пол-литра и завтра с утречка встанем, как огурчики!

Караван-баши долгим взглядом посмотрел в голубые глаза Оболенского, безуспешно пытаясь отыскать там хоть каплю стыда. Ага... как же! Если ему что и удалось разглядеть, так это только наивно-детское удивление, ибо, как говорят в России, «долог день до вечера, если выпить нечего».

– Нет больше вина.

– Что, совсем нет?!

– Совсем! – отрезал купец. – О Аллах всемилостивейший, ты видишь с небес все мои поступки... Подскажи, чем я оправдаюсь перед начальником городской стражи, благородным господином Шехметом? Он велел привезти ему пять кувшинов дорогого шахдизарского вина. Из уважения к его должности и горячему нраву я закупил сразу шесть...

– Минуточку, – мгновенно подсчитал Лев, – а мы вчера выпили только пять. Гасан, ты замотничал от друга ещё один кувшин!

– Нет! Не дам! Ни за что не дам! Совсем меня погубить хочешь?! – взвыл караван-баши, и погонщики с охранниками встали на его сторону. Они вообще смотрели на Оболенского с неприязнью... Во-первых, им дорогого вина не довелось попробовать ни глоточка, а во-вторых, белокожему нахалу не досталось и капли того, что с лихвой получил каждый в злополучном караване, – гибких кизиловых палок!

Лев помрачнел, но сделал ещё одну попытку к примирению:

– Тогда, может быть, зафинтилим куда-нибудь к девочкам? Где тут у вас ближайший гарем?..

– Во дворце багдадского эмира... – едва не задохнувшись от ужаса, выдал Гасан-бей, а уже через минуту завопил в полный голос: – Разрази тебя шайтан, о коварнейший из агентов! Ты что, прислан вести среди мусульман крамольные речи и тайно докладывать о тех, кто внимал тебе с радостью?! Истинно правоверный даже помыслить не дерзнёт о гареме эмира...

– А он большой? – шёпотом уточнил молодой человек.

– Да как смеешь ты спрашивать о том, куда и весеннему ветру нельзя заглянуть без воли великого Селима ибн Гаруна аль-Рашида?! – охотно завёлся караван-баши, а все, кто присутствовал при разговоре, наострили уши и вытянули шею. – Гарем повелителя нашего – святое место, ибо отдыхают там дочери Востока и Запада, Севера и Юга. Золотоволосые красавицы румийки, с телом розовым, словно нежная плоть раковины. Чернокудрые индианки, натирающие себя благовониями и красящие ступни ног в красный цвет. Желтокожие прелестницы Китая, коим нет равных в искусстве любви и управления энергией «ци». Крутобёдрые персидские танцовщицы, чей живот сводит мужчин с ума. Чёрные нубийки, известные ненасытной страстью, а также тем, что к ним не выйдешь без плётки. Синеглазые славянки, чья верность известна повсеместно, как и умение пить араку. Стройные девушки Аравии, выжженные солнцем до цвета меди, с тугими грудями и множеством браслетов на руках.

– Ещё! – воодушевлённо заплотировал Оболенский, пока Гасан-бей переводил дух. На этот раз Льва поддержал одобрительными выкриками весь караван. Бедного купца затрясло, он закусил рукав халата и опрометью бросился в свой шатёр, дабы не рассказать ещё чего лишнего... Поняв, что продолжения не будет, недовольные слушатели разбрелись по своим местам, укладываясь спать. Начинаящий вор никуда не пошёл, в шатёр не звали, куда-то ещё – тем более, да и не очень-то хотелось... Лев привалился спиной к тёплому боку верблюдицы Гюльсар и, мечтательно глядя на чистейшие звёзды Востока, строил деловые планы на завтрашний день. Конечно, надо бы в первую очередь найти башмачника Ахмеда и выяснить у него насчёт Ходжи Насреддина. Однако, с другой стороны, после пышных восхвалений достоинств гарема гражданина эмира никого искать уже не хотелось. Оболенский понял, что главной достопримечательностью Багдада является гарем градоначальника. А следовательно, это самое первое, что стоит посетить завтра же. И никак не откладывать в долгий ящик...

* * *

Глядя на человека, верблюд может только плевать...

«Гринпис»

Честно говоря, мне самому интересно, откуда у простого бухарского купца такие сведения... Оболенский впоследствии уверял, будто бы очень многие коммерсанты того времени имели по несколько жён, причём в разных странах. А ведь кроме того были ещё наложницы, рабыни и просто «дарительницы удовольствий». Так что о качествах женщин Гасан-бей действительно мог знать немало. Ну а то, что в гареме самого эмира собраны красотки со всех концов света, однозначно не подлежало сомнению! Так считали все, ибо это было признаком богатства и знатности. Думаю, что и сам эмир охотно поддерживал такие слухи...

Помечтав примерно до полуночи, Лев взялся за работу. Надо признать, что, будучи по натуре царственным сибаритом, он всё-таки умел трудиться и не ленился приложить руки к достижению собственного блага. Ещё в пути, выяснив, что за проход в город придётся платить страже пошлину, наш герой быстренько прикинул план наиболее экономного проникновения в Багдад. С этой целью он скромно подкатился к костру шестерых охранников. Те, естественно, не спали, а тихо потрошили барашка, дабы скоротать ночь не на голодный желудок. Оболенского они к столу не пригласили, но он нечто подобное и предполагал, а потому, потолкавшись у них на виду, очень громко и несколько раз повторил, что ляжет спать поближе к верблюдам. Никто и не заметил, как, уходя, Лев стащил небольшой кусок сырой бараньей печени. Дальше было совсем просто... Подойдя к стреноженным на ночь животным, Оболенский храбро мазанул трёх-четырёх печенью по носам и, убедившись, что морды верблюдов запачканы кровью, начал снимать с себя одежду.

– Буду я ходить в этом старье, ждите... – бормотал он, стягивая узкий халат. – Вор должен одеваться прилично! В противном случае его и уважать не за что... Думаю, Гасан на меня не очень обидится. К тому же о безвременно усопших страшной смертью от зубов верблюда плохо не думают... Грех! Аллах накажет, как пить дать...

Дедушкины монеты Лев на время сунул за щёку, тюбетейку, халат, штаны и тапки живописно разбросал по песку и, выжимая из бараньей печёнки последние капли крови, «пометил» ими всё «место преступления». После чего, аккуратно заметая следы, в голом виде допрыгал до шатра караван-баши и, порывшись в его тюках, подобрал себе более сносный костюмчик. А уж переодевшись, профессионально закатался в большой мешок с дешёвыми женскими шароварами из Китая. Да, как вы, наверное, уже догадались, заветный кувшин он благополучно перетащил с собой...

– Мне начинает нравиться это дело! Видимо, гены берут своё... К тому же настоящему профессионалу всегда нужна практика. Держись, Багдад! Я намерен красть со страшной силой! Твоё здоровье, эмир...

Утро встретило пригревшегося героя дикими воплями всего каравана. Оболенский сонно улыбнулся, удовлетворённо причмокивая губами, в то время как бледные азиаты будили друг друга рыданиями и криками...

– Вай дод! Вставайте, правоверные, Аллах отвратил от нас своё лицо... И не мешайте мне плакать!

– Что случилось, Али? Не рви халат, он у тебя последний...

– Верблюды съели мусульманина!!!

– Вай мэ! Не может быть?! Ты слышал, Ильнур-джан? Ильну-у-р...

– Уй-юй, зачем так сразу сказал? У него же больное сердце...

– Но, Саид-ага, разве верблюды кушают правоверных мусульман?

– Вах, вах, вах... Сходи сам посмотри! Ещё как кушают, даже костей не оставили... Чем мы прогневили Аллаха?!

– Зовите Гасан-бея! Всё это происки шайтана... У, бессовестные тигры в шкуре мирных животных, зачем вам понадобилось есть того приبلудного юношу? Вас что, плохо кормят, да?!

Подоспевший караван-баши бросился наводить порядок, привычно размахивая камчой направо-налево. Осмотрев место «съедения» и найденные «улики» (драную одежду Льва со следами коричневых капель), а также видя перемазанные подсохшей кровью флегматичные морды двугорбых преступников, Гасан-бей сам впал в перепуганное неистовство. Если пойдут слухи о том, что в его караване кровожадные верблюды живьём сожрали случайного путника, – торговле конец! Никто и никогда не захочет иметь с ним дела, его ткани перестанут покупать, а люди обратятся в суд эмира, требуя наказать виновных... Но ведь не верблюдов же! А кого? Охранники, виновато

разводя руками, подлили масла в огонь, подтверждая, что молодой человек действительно намеревался лечь на ночлег у стреноженных верблюдов. Наверное, из-за боязни укуса скорпиона... Сентиментальные восточные люди били себя в грудь, рвали на груди одежду и посыпали головы пеплом, прося прощения у «бесприютной души усопшего». Оболенскому даже пару раз становилось как-то неудобно лежать в тюке и не присоединиться к общему горю. Хотя вскоре он захотел выйти совсем по другой, более низменной, причине (всё-таки вино – это жидкость, а полтора литра, как ни верти...), но приходилось терпеть. Гасан-бей и двое приближённых помощников где плетью, где угрозами, а где и посулами кое-как уgomонили зарёванный караван. Солнце поднималось над барханами, и ворота Багдада вот-вот должны были открыться перед путешественниками. О произошедшем несчастье решили молчать, верблюдов наскоро отмыть, остатки одежд «бедного юноши» закопать, а потом во всех мечетях неустанно молить Аллаха, чтобы он забрал его душу к себе в рай. А если она и без того в раю (вкушает щербет с зефиром среди сладострастных гурий), то просить всемилостивейшего и всемогущего отпустить каравану этот грех... Ну, в смысле, тот факт, что не уберегли. На Востоке вообще отношение к путнику очень уважительное. Того, кто в пути, всегда накормят, обогреют и не откажут в ночлеге. Говорят, многие мусульманские святые (да что там, порой и сам Мухаммед – великий пророк!) ходят по пыльным дорогам в рубище бродяг и дервишей, проверяя готовность истинных правоверных к соблюдению заповедей Аллаха. Горе тому, кто откажет просящему! Поэтому, как вы понимаете, весь караван Гасан-бея пребывал в поникшем настроении...

Едва бледно-розовое солнце окрасило первыми лучами позолоченные полумесяцы на шпилях мечетей, рёв длинных сторожевых труб оповестил об открытии ворот славного города Багдада! Принарядившийся караван-баши на отдохнувшей лошадке первым подъехал к суровым и невыспавшимся стражникам, вручая начальнику караула полотняный мешочек с монетами. Хмурый бородач мрачно кивнул, дважды пересчитывая верблюдов, погонщиков и охрану, дабы никто не проскользнул сверх положенной платы. Гасан-бей был обязан препроводить всех в караван-сарай, где неподкупная таможня щепетильно проверит его людей и товары. Эмир Багдада искоренил воровство везде, где мог. А следовательно, карательные органы не дремали, проверяя и перепроверяя всех, у кого могла завалиться лишняя таньга. Какая-то часть изымаемых денег пополняла казну, всё прочее расходилось по карманам умелых чиновников, старательно покрывающих друг друга. Но тут уж, как говорится, аллах им судья, нас же интересует совершенно другой герой... который, кстати, только что решил одну свою насущную проблему, удачно найдя применение опустевшему кувшину...

* * *

Говорящий правду – теряет дружбу.

Восточная мудрость

Таможенный осмотр в те времена осуществляла городская стража под началом некоего Шехмета. Судя по всему, он и сам был разбойник не из последних, имел собственные казармы, отряд в сорок душ и творил в Багдаде натуральный рэкет. Однако чем-то глянулся эмиру, и тот благоволил ему, официально позволяя наводить свои порядки. Взамен Шехмет охотно поставлял правосудию всех воров. Или же тех, кого ему было удобно счесть ворами... Короче, лично мне Лев отзывался об этом типе крайне отрицательно. А тогда, в караван-сараях, они встретились в первый раз...

Оболенский вылез из тюка с тряпьем абсолютно никем не замеченный, чуть помятый с недосыпу. Кругом суетились люди Шехмета, выделявшиеся зелёными повязками на рукавах. Двое копались в персидских тканях, совсем рядом, и нашему герою не стоило большого труда аккуратно стирить такую же зелёную ленту и для себя. Теперь он был одним из городских стражников... А их непосредственный начальник снисходительно принимал доклад от издёрганного Гасан-бея.

– Итак, уважаемый, ты утверждаешь, что моё вино выпил бесстыжий чёрный дэв из пустыни?

– Воистину так, о благороднейший господин! Вчерашней ночью, при свете полной луны, когда я, наслаждаясь стихами бессмертного Саади, отдыхал у себя в шатре, странный шум привлёк моё внимание. Казалось, в песках пробился ручей и журчит, услаждая слух правоверных. Но стоило мне откинуть полог, как мой взор был помрачён ужасной картиной: весь караван погружён в волшебный сон, а на тюках с товаром сидит чёрный дэв, уродливей которого не видел свет, и пьёт вино!

– Прямо из кувшина? – не поднимая глаз, уточнил глава городской стражи. Господин Шехмет, казалось, был целиком погружён в созерцание собственных

перстней на левой руке, и занимательный рассказ караван-баши слушал вполуха. Хотя для Льва, например, это повествование казалось очень забавным...

– Да, о благополучнейший! – неизвестно чему обрадовался Гасан-бей. – Прямо из горлышка кувшина, даже без пиалы, клянусь аллахом! Я закричал ему: «Не смей! Это прекрасное вино предназначено высокородному господину Шехмету, а не тебе, шакал паршивый!» Но он лишь рассмеялся, ругая твою светлость словами, непристойными языком мусульманина... Как сказал поэт: «Вино – твой друг, пока тверёз, а если пьян – то враг! Змеиный яд оно, когда напьёшься, как дурак...»

– После чего ты конечно же схватил свою дамасскую саблю и бросился наказать злодея?

– Воистину ты мудр, ибо читаешь тайное, словно открытую книгу! Да будет известно могучему Шехмету, что я владею изогнутым дамасским ятаганом, подобно соколу, карающему собственным клювом! Я...

– Ты не привёз ни одного кувшина? – Начальник стражи даже не повысил голоса, но Оболенскому почему-то показалось, что меж лопаток у него пробежал холодок. Видимо, нечто подобное испытал и Гасан-бей, так как он грузно рухнул на колени, моля о пощаде:

– Был! Был один кувшин, о сиятельный... Я своими руками отбил его у подлейшего дэва, да пожрут его печень вороны! Но... он... этот...

– Дэв?

– Кувшин! – В узких глазах караван-баши блеснули первые слёзы. – Был кувшин, о благороднейший! Но увы...

– Ты потерял его?

– Нет, клянусь бородой пророка! Он... он... он сам... пропал!

– Мой кувшин с самым дорогим румийским вином украден?! – страшным голосом взревел глава городской стражи, и все вокруг как-то невольно подпрыгнули.

Ястребиное лицо Шехмета вдруг стало каменным, брови сошлись в ломаную линию, а ухоженные усы напряглись, как живые. – Так, значит, в твоём караване есть воры!

– Нет, нет, нет! Что ты, что ты, проницательнейший! Я готов поручиться за каждого из своих людей...

– Ах, так ты ещё покрываешь воров! О безволосый хвост двугорбого шайтана... Что ж, клянусь светлым именем нашего эмира, ты недолго будешь испытывать моё терпение!

Нервные пальцы начальника стражей сомкнулись на узорчатой рукояти кривого кинжала, и Оболенский, неожиданно для самого себя, шагнул из-за тюков вперёд:

– Товарищ генерал! Разрешите доложить?! Я тут, таможенным методом, кувшинчик контрабандный надыбал. Без акцизной марки!

– Ты кто? – Чёрный сверлящий взгляд надменно скользнул по вытянувшемуся во фронт «внуку старого Хайяма».

– А... новобранец я, ваше благородие! Весеннего призыва, закончил курс молодого бойца и назначен под ваше командование в отряд особого растаможенного реагирования!

– Хм... клянусь муками Исы, я тебя не помню... Но, быть может, ты Саид, троюродный племянник зятя моей шестой жены Гюргюталь из Алимабада?

– Ну... почему бы и нет... – подумав пару секунд, согласился Лев. – Только не троюродный, а единоутробный, и не племянник, а деверь, и не зятя, а тётке золовки вашей третьей жены, да сохранит Аллах её красоту исключительно для вашей светлости!!

Комплимент удался. Гасан-бей так и стоял на коленях, нюхая пыль, но начальник городской стражи милостиво махнул рукой – караван прошёл осмотр. Оболенский быстренько сбегал к своему бывшему убежищу, доставая из вороха женских шаровар памятный кувшин. Но не успел он поставить его пред ясные

очи господина Шехмета, как удача покинула нашего героя. В том смысле, что его подло и низко предали... Униженно кланявшийся Гасан-бей, пятясь задом, столкнулся со Львом и завопил, словно его укусил каракурт:

– Шайтан! Сюда, правоверные мусульмане! Вот истинный виновник всех наших несчастий!

Ну, естественно, поглазеть на живого шайтана сбежался весь караван-сарай. Бедный Оболенский только рот раскрыл от удивления, как уже был со всех сторон окружён возбуждённо галдящими азиатами.

– Где шайтан? Кто шайтан? Кого шайтан?

– Вот он! Клянусь сиятельной чалмой Мухаммеда, – без устали орал Гасан-бей, закладывая собутыльника с потрохами. – Этого лукавого проходимца мы подобрали в пустыне... Я сотворил ему милость, позволив пойти с нами, и даже предложил ему кров и постель. А он... все свидетели! Он нагло выпил моё вино, жестоко избил меня, украл мои одежды, да ещё обманул всех нас, оклеветав моих верблюдов. Этот белокожий сын снежного иблиса не может быть единоутробным деверем тёти золовки вашей третьей жены, о сиятельный!

– Это правда? – строго спросил грозный Шехмет, и все присутствующие почтительно примолкли. Лев тоже немного помолчал, собираясь с мыслями, потом решительно шагнул к начальнику городской стражи и, аристократично опустившись на одно колено, припал щекой к холёной руке «мудрейшего и проницательнейшего».

– Что я вам скажу, православные мусульмане... Оп, миль пардон... – правоверные! Закозлил меня верный друг в тот самый момент, когда я его паршивую задницу, можно сказать, грудью прикрыл. Нехорошо это... Не по-мусульмански, Аллах не обрадуется. Но чтоб лишний раз обстановку не накалять, – я тут всем всё прощаю! А в свою очередь попрошу и вас, граждане, во всём покаяться и вернуть дорогому господину Шехмету его перстенёчки.

– Какие такие перстенёчки? – удивились в толпе. Оболенский встал, подмигнул начальнику стражи и торжественно раскрыл ладонь – на ней блеснули четыре массивных кольца.

– Но... это же... моё?!

– Разбери, народ, подешевело-о!

Миг – и все четыре перстня взлетели вверх, играя драгоценными камнями, а караванщики вперемешку со стражей кинулись их ловить. Нет, не подумайте плохого, никому в голову не взбрело забрать себе хоть один. С великим Шехметом шутки плохи, но нашедший золото господина может рассчитывать на вознаграждение. Гасан-бей грязно ругался, высокородный Шехмет кусал губы, старательные караванщики выложили перед ним все четыре перстня, но Льва Оболенского в общей суматохе и след простыл...

– Мои люди быстро отыщут нечестивца, – ровно пообещал начальник городских стражников и неторопливо поманил к себе караван-баши, – а пока налей-ка мне того вина, что не успел выпить этот плут. Да, можешь и себе плеснуть, за компанию...

Услужливый купец быстренько раздобыл фарфоровые пиалы... Надо ли расписывать то, что было дальше?

* * *

Дураки – не кунжут, не рис и не просо. Их не сеют – они сами растут...

Из учебника по мелиорации

...Знаете, что больше всего интриговало меня в этой истории – ежедневные отчёты медицинских сестер. Оболенский пролежал в коме где-то около месяца. Его милая жена Машенька каждый день моталась сначала в Склифосовского, потом в другую престижную больницу, куда его перевезли впоследствии. Я сам в то время разъезжал по творческим командировкам и в Москве останавливался редко, поэтому Машины воспоминания и оказались такими ценными для составления общей картины повествования. Итак, подолгу беседуя с младшим медицинским персоналом, она выяснила, что неожиданно кожа больного покраснела, как от ожогов, а потом за двое суток приобрела ровный золотисто-коричневый загар. Учитывая, что в столице стояли крещенские

морозы, – явление удивительное! Ну не в солярий же его клали эксперимента ради? Загадочные метаморфозы, происходившие с недвижимым телом нашего друга, заставляли задумываться... Я и сейчас ломаю голову над этой загадкой. В конце концов факт переноса человека из одного мира в другой уже не вызывает активных протестов даже в среде учёных. Как, собственно, и факт перехода души в иное тело где-нибудь в запредельном пространстве. Но Лев-то был здесь! Это известно точно. И одновременно там... Что тоже в общем-то подтверждено определёнными доказательствами. Как человек начитанный, а потому обладающий долей скептицизма, я мог бы предположить, что он меня разыгрывает. Однако в вольных рассказах Оболенского периодически попадались такие тонкие мелочи, специфические словечки, обороты речи... Ведь это уж никак не выдумаешь. И, опять же, загар!

...Запыхавшийся Лев вытирал пот рукавом дорогого атласного халата, привалившись спиной к стене чьей-то лавки на соседней улице. Оказалось, что не только руки его идеально подготовлены для воровства. В тот миг, когда он высоко подбросил над головой шехметовские перстни, ноги словно включились сами собой, рванув с места на третьей скорости. Вор должен уметь бегать! На любые дистанции, петляя и по прямой, с приличной скоростью, а главное, высоко подпрыгивая. Удирая, Оболенский ухитрился с разбегу перепрыгивать даже мирно лежащих верблюдов, что уже здорово приближено к олимпийским рекордам...

– Интересно, а успел начальник стражи отхлебнуть моего «вина» или сначала всё-таки принял? – вслух рассуждал Лев, краем уха прислушиваясь к яростному вою со стороны караван-сарая. Ревел, подобно оскорблённому слону, несомненно, сам господин Шехмет. Но возвращаться и расспрашивать, по какому поводу, было слишком рискованно... Поэтому наш герой резко вспомнил, где ему следовало быть, и отправился на поиски лавки башмачника Ахмеда. Узкая улица вела его по склону вниз, к базару – самое место для того, чтобы узнать нужный адрес, – но Лев на беду споткнулся и больно ушиб левую пятку.

– Яп-понский городской... Какой кретинистый модельер выдумал эти тапки с загнутыми носами?! – возопил наш герой, прыгая на одной ноге. Из ближайшего проулка раздались голоса и появились два яростно галдящих таджика, тягая за узду несчастного серого ослика.

– О! – едва не налетев на Оболенского, воскликнул один, в круглой тюбетейке. – Салам алейкум, уважаемый! Вы, видимо, человек учёный, не можете ли разрешить наш спор?

– Какой ещё спор, мужики... Ой! Салам, салам, всем салам! Клянусь бабушкой, если здесь не поменяют асфальт, я накатаю такую жалобу мэру, что главу района ни один адвокат не отмажет от пятнадцати суток общественно полезных работ в оранжевой робе!

– Вах... – вздрогнул второй, поправляя тощую чалму. – Как говорит, а? Большой учёный! У нас даже мулла таких слов не знает.

– И бабушку уважает... клянусь аллахом, да? – весело подтвердил первый... и Лев расслабился. У Оболенского была маленькая слабость – он редко спорил с дураками.

– Ладно, в чём проблема?

– В осле, уважаемый! Мы с братом ведём его на базар и никак не можем решить: продать его погонщикам или живоделам?

– Жалко... на вид такая лопоухая милашка.

– Что вы, достопочтеннейший?! Да под луной ещё не было осла глупее и нахальнее, чем этот... У него глаза ангела, а душа бесстыжего шайтана. Он обладает злобным нравом, крепкими зубами, твёрдыми копытами и воистину ослиным упрямством! – разошёлся тип в тюбетейке, и Оболенский недоверчиво пожал плечами. Ослик выглядел просто нагло оклеветанным. Ресницы огромных фиолетовых глаз вздрагивали, точёные ножки нервно постукивали копытцами, а хвост с кисточкой вертелся, как у счастливого щенка, дождавшегося наконец любимого хозяина.

– Так ведь если продать его живоделу, он заплатит нам только за шкуру! А если караванщику или декханину, то они на следующий же день вернут негодного обратно и потребуют назад свои деньги... Да ещё и поколотят в придачу! – активно включился второй брат, поправляя чалму, съезжающую на брови. – Научи нас, о образованный прохожий, что же лучше: взять мало, но не рисковать, или же взять настоящую цену и бояться быть битыми?!

– Хм... хороший вопрос, буквально шекспировский... – Лев поскрёб подбородок, глянув мельком на обсуждаемого непарнокопытного. Ушибленная пятка всё ещё ныла, до базара пилить квартала два, и душа настоятельно требует хоть что-нибудь да украсть. К тому же ослик кивнул, фыркнул и так заговорщицки подмигнул, что все сомнения развеялись разом.

Оболенский тоже подмигнул и обернулся к братьям:

– Мальчиши, проблема особых сложностей не представляет и при научном подходе к теме имеет гарантированный шанс положительного разрешения.

Спорщики переглянулись так, словно хоть что-то поняли, и, восхищённые учёностью Льва, старательно закивали.

– Итак, учитывая абсолютную несостоятельность логических доводов (ибо они построены на весьма умозрительных заключениях), я предлагаю оставить выбор решения за Аллахом. В конце концов, он всех нас умнее и в таком простеньком вопросе уж никак не ошибётся. Кто против?

Желающих объявить самого Аллаха некомпетентным не нашлось. Наш аферист мысленно поздравил себя с таким завидным простодушием клиентов и продолжил:

– Тогда сейчас же, неспешным шагом возвращайтесь к себе домой, становитесь спиной к воротам и на одной ножке прыгайте сюда. Если первым доберётся «тюбетейка», то продавайте осла погонщикам, а если «чалма», то, соответственно, живодёрам. Претензии не принимаются. Да, не забывайте хлопать себя руками по бокам и кричать «кукареку!».

У ословладельцев вытянулись лица. Они недоумённо переглянулись, почесали в затылке и в один голос сообщили:

– Какая глупость, вай мэ...

– Что?! – взвился уязвленный в самое сердце Оболенский. – А ну-ка, объяснитесь, чурки узкоглазые!

– О, прости нашу горячность, почтеннейший, – тут же повинился один, – но не лучше ли вместо «кукареку!» кричать «кирикуку!» – это больше похоже на утренний крик петуха?

– Не подумай, что пренебрегаем твоей учёностью, о мудрейший, – виновато добавил второй, – но, быть может, все-таки не отдавать осла «чалме» и «тюбетейке», а сделать так: если первым приду я, то – на живодёрню, если он – погонщикам.

Сначала Лев скоропалительно решил, что над ним издеваются... Потом прикрыл ладонью глаза и тяжело выдохнул – братья оказались куда наивнее, чем он даже мог предполагать.

– Уф... что в лоб, что по лбу! Ладно, у меня натура отходчивая. Будь по-вашему! Марш домой, и начинаем соревнования. Ослика я посторожу, чтоб не убежал. Желаю спортивной удачи. При любом исходе – пусть победит дружба! Дерзайте, всё в руках Аллаха...

Как только спорщики скрылись в проулке, Оболенский повернулся к ослу, присел на корточки, глядя ему прямо в глаза, и откровенно предложил:

– Камрад, у тебя тройной выбор... Либо в караван – мешки по пустыне тягать, либо на живодёрне со шкурой расставаться, либо стать персональным транспортным средством ведущего вора этого благословенного города. Твоё окончательное решение? Так я и думал... Прими мои поздравления – ты зачислен штатной единицей. Да, и впредь не вздумай кому-нибудь ляпнуть, будто бы я тебя украл, – ты сам согласился!

Ослик пошевелил ушками, дунул в нос своему новому хозяину и бодро развернулся мордой к базару. Кажется, эти двое нашли друг друга...

* * *

Во пустыне саксаул, а в Багдаде – тётка.

Сиротская поговорка

...А ведь вы, видимо, как и я, были уверены, что на осле ездил исключительно Ходжа Насреддин? Увы, господа... Всё это результат чтения непроверенной и зачастую весьма далёкой от первоисточников литературы. На ослах и ишаках в Багдаде ездили очень многие! Выносливое, практичное, нетребовательное, а главное – самое экологичное средство передвижения. Ни ароматов бензина, ни пятен масла, ни смены шин, ни отравляющих воздух выхлопных газов... Хотя, стоп, здесь я, видимо, несколько увлёкся... Ну, в общем, вред окружающей среде – минимальный, а польза существенная (если уж даже переработанные отходы производства в виде навоза и то находили применение). Что же касемо самого Ходжи Насреддина, так Лев в частных беседах первоначально вообще отзывался о нём отнюдь не с лучшей стороны. Это незабвенный Соловьёв сделал из него культового героя, а на деле всё было далеко не так просто...

Восточный базар Оболенскому не понравился – слишком много суеты и слишком легко красть. Продавцы так яростно торгуются с покупателями, что и те и другие не замечают вокруг себя ровно ничего. Лев, не слезая с осла, вытянул у толстого богача кошелек, взял себе на карманные расходы и успел сунуть кошелек обратно, а владелец даже не почесался. Скука...

– Не-е... так дело не пойдёт, – вслух размышлял Оболенский, толкая ослика пятками и двигаясь вдоль фруктовых рядов. – Дедушка Хайям поднял бы меня на смех, если б узнал, что я обворовываю жалких простофиль. Спасибо, не надо... Не надо! Не хочу я персиков! Вот обокрасть самого эмира... Это задача для настоящего Багдадского вора, а мелочиться на торгашах, работягах да фермерах – несерьёзно... Пацан, ты чё, глухой?! Я тебе два раза сказал – нет! Не хочу я твой сладкий, спелый, розовый, пушистый персик! Эх, не успел я выяснить у гражданина Шехмета в караван-сараяе насчёт эмирского дворца. Город большой, леший знает, в каком квартале его искать... А найти надо, ибо там – гарем! Очень возбуждающее слово... Слушай, мальчик, засунь эти персики себе знаешь куда?! Иди отсюда! Пристал, как банный лист к... Вот-вот, и персики туда же засунь! – Однако, поняв, что от загорелого до черноты мальчишки с корзиной фруктов избавиться не удастся, Лев подумал и нашёл взаимовыгодный компромисс: – Шайтан с тобой, иди сюда... Где это вас, мелких, так менеджменту учат?! Товар покупателю всучивают настойчиво, но вежливо! Вежливо, а не настырно... Дай один!

– Целая таньга?! – не поверил своему счастью мальчишка, но Оболенский мог позволить себе такую неслыханную щедрость.

- Сдачи не надо. Скажи, а где тут лавка башмачника Ахмеда?
 - Там! – Юный торговец неопределённо махнул рукой.
 - Угу, общее направление понятно, а где это конкретно «там»?
 - Дай ещё таньга, скажу!
 - Хм... а ты крутой парень, не пропадёшь. На одну.
 - Уй, спасибо, благородный господин! Поезжай на осле прямо до конца рядов, потом сверни направо, а... – Наглец призадумался и сунул палец в рот.
 - Направо, а потом?
 - Потом, потом... давай ещё таньга!
 - Ах ты, вымогатель паршивый! Ты что же, разорить меня хочешь?!
 - Дорога длинная, народу много, вы оба не местные, без меня нипочем не найдёте! Ну, всего одну таньга, ай?..
 - Одну. Последнюю. Попробуешь надуть, я тебе уши оборву, будешь как Ван Гог по улицам бегать! – делая страшное лицо, пригрозил Лев.
- Видимо, мальчишка поверил, потому что, цапнув монету, он отбежал в сторону и уже с безопасного расстояния популярно объяснил:
- Потом вернись обратно и попроси осла быть твоими глазами. Лавка Ахмеда у тебя под носом! – после чего, довольный, развернулся и бодро двинулся вдоль рядов, громко предлагая персики очередному покупателю.

Лев посетовал про себя на «теперешнюю молодежь», а приглядевшись, действительно увидел в двух шагах неброский сарай, возле которого висели куски выделанной кожи. Готовая обувь была разложена прямо на голой земле, башмачник вряд ли был богатым человеком, и предлагаемый ассортимент

поражал однообразием и скудностью. Пара сапог, две пары женских туфель без задников, чувяки, штук десять в одной куче, всё разного размера...

– Привет изготовителю качественных кроссовок «Адидас»! – торжественно прокричал Оболенский, эффектно сползая с ослика.

Из сарайчика выглянула небритая физиономия.

– Башмачник Ахмед здесь проживает?

Человек кивнул и вылез наружу полностью. Был он на голову выше немалорослого Льва, страшно худ, обрит наголо и традиционно бос.

– Сапожник без сапог, – понимающе хмыкнул наш герой и протянул ладонь: – Салам алейкум, будем знакомы, я – Лев Оболенский!

– Вaleyкум ассалам, – чуть заискивающе поклонился башмачник, – что угодно почтеннейшему господину?

– Да брось... Какой я тебе господин? Ещё вчера был нищ как церковная мышка... ну, или, по-вашему, как крыса при мечети. А костюмчик этот я честно экспроприировал у одного купца из солнечной Бухары. Такая скотина оказалась, между прочим...

– Экспро-о... прости, уважаемый, что ты сделал?

– Матерь божья, да украл я его, понимаешь?! – попытался как можно доходчивее объяснить Лев, даже не замечая, как побледнел его тощий собеседник. – Мне-то в принципе вещиизмом страдать не приходилось, я за этими Версачи и Пазолини отродясь с высунутым языком не бегал. Но дедушка Хайям чётко обрисовал инструкции – у порядочного вора имидж превыше всего! Пришлось спереть халатик... А что делать, положение обязывает...

– Молчи, безумный! – взвыл наконец перепуганный башмачник, резво прикрывая рот Льва грязной пятернёй.

Из соседних палаток и лавочек уже начали высовываться любопытные носы вездесущих соседей. Ахмед со стоном впихнул говоруна в свой низенький сарай и толкнул задом на кучу кожаных обрезков.

– Ты что, совсем потерял разум?! Даже у стен есть глаза и уши, а ты кричишь на весь базар: «Я – вор! Я – внук дедушки Хайяма!!» Тебе отрубят голову, а меня изобьют палками как укрывателя злодеев!

– Да ладно запугивать... – буркнул Оболенский, но тон понизил. В сарайчике пахло кислым молоком и гарью, на полу валялся нехитрый сапожный инвентарь: ножи, шило, дратва. Сам хозяин, опустившись на корточки, пристально вглядывался в лицо своего необычного гостя.

– Ты не похож на жителя Востока. Твоя кожа белая, лицо нежное, словно никогда не видело солнца, а руки не ведали молота или мотыги. А глаза... Они же голубые, как небо! Где только старый Хайям отыскал такого внука?

– Не дави на дедушку! – строго предупредил Лев. – История моего рождения полна загадок и тайн, а ты хочешь, чтоб я тут вот так сразу всё и открыл?! Эксьюзми, сэр, только для посвященных и членов профсоюза! А вообще-то закрывай давай свою лавочку и пойдём посидим где-нибудь в кабаке за кувшинчиком румийского. Приличное вино, я пробовал...

– О несчастный, ты что, не знаешь – Аллах запрещает правоверным...

– Ну ни фиги себе! Как-то странно он запрещает – выборочно! Мне, значит, нельзя, а горбоносому господину Шехмету можно?! Слушай, не морочь мне голову, а? Я с утра не завтракал...

– Сиди! Никуда не ходи... О Мухаммед, за что мне такое наказание? Я принесу лепёшки, козий сыр и немного молока. – Башмачник решительно встал, всем видом давая понять, что Оболенский причинит ему минимум неудобств, если останется в сарайчике. А вот если выйдет наружу, то – максимум! Лев хмыкнул и полез за деньгами.

– На, прикупи всего и всякого. Чего не хватит, скажи, я наворую. Да, и присмотри, куда там можно ослика привязать, он у меня незарегистрированный и наверняка числится в угоне...

Ахмед пробормотал под нос какую-то короткую молитву, помянул шайтана, сплюнул, сгрёб монеты и вышел вон. Будущая гроза Багдада с наслаждением вытянул ноги и даже слегка придремал, пока башмачник не вернулся...

* * *

Без страха перед Аллахом нет стыда перед людьми.

Иранская поговорка

– Сволочь ты, Ахмед, а кумыс этот дрянь несусветная!

– Он хорошо утоляет жажду и полезен при болезнях печени. Кушай инжир...

– Уф... меня уже от плова мутит, жирный, как не знаю что...

– Жир – это благодеяние Аллаха, служащее для смягчения нрава и блеска кожи у правоверных!

– А кто додумался есть его руками?! В приличных заведениях подают ложки и вилки, на крайняк – китайские палочки...

– Вай мэ! Сам эмир кушает плов руками... Ты что, совсем не обучен вести себя за столом?

– О, блин горелый! Ну чья бы корова мычала... Ладно, давай сюда свою кислятину, всё лучше, чем этот зелёный чай. К вам на базар индийский совсем не завозят? Что, и грузинского с опилками тоже нет? Пресвятая богородица, ну и дыра...

Башмачник Ахмед в прошлом был образованным человеком. Он с детства много путешествовал, ходил с караванами, понимал четыре языка и даже учился грамоте у муллы. Старого Хайяма знал давно, называл его дедушкой, как знал и то, что седобородый пьяница и поэт подворовывал направо-налево. Когда гонения на мелких жуликов достигли апогея и на улицах Багдада хватали

едва ли не каждого второго прохожего, именно Ахмед прятал у себя будущего классика персидской литературы. Прятал и кормил, рискуя в любой момент быть изобличённым и подставить свою спину под палки стражников эмира. Поэтому молодого человека, назвавшегося «внуком старого Хайяма», он принял безоговорочно, ибо вслух признать такое родство мог либо отчаянный удалец, либо безнадёжный сумасшедший.

– А зачем тебе Ходжа Насреддин?

– Да, честно говоря, понятия не имею... Дедуля особенно настаивал, чтоб я его нашёл. Вроде бы вместе мы сделаем козью морду вашему эмиру.

– Уй... зачем так громко кричишь?! Неужели о твоей глупости непременно надо оповестить целый свет? Никто во всём Багдаде ни за что не станет помогать безумцу, дерзнувшему грозить великому эмиру! Поверь мне, чужеземец, никто!

– Слушай, Ахмед... Я, может, чего не так сказал, ты извини. Все эти словечки прикольные – сор, шелуха, не принимай за чистую монету. Но скажи мне – правда, что у вас казнили детей?

– Казнили... воров.

– Даже самых маленьких?

Башмачник не ответил. Власть любого тирана держится на крови, правление эмира Селима ибн Гаруна аль-Рашида было не лучше и не хуже предыдущих. Если Аллах дарует человеку власть, он, несомненно, отдаёт её в достойные руки. Да и кто бы взялся оспаривать мудрость Всевышнего? Любой муфтий, мулла и даже бродячий дервиш в два счёта объяснили бы сомневающемуся глупцу всю глубину его падения в бездну безверия. Раз эмир взялся за искоренение пороков, то уж никак не без поддержки на небесах... Значит, и Аллах, и пророк его Мухаммед, и другие праведники одобряют действия эмира. Ахмед основательно потряс головой, отгоняя от себя почти забытый ужас – детские руки на плахах Багдада...

– Он не будет тебе помогать.

– Кто?

– Ходжа Насреддин.

– Не понял юмора...

– Ходже сейчас около тридцати, это достаточный возраст для умудрённого жизнью мужа. Он очень изменился, совершил паломничество в Мекку, остепенился, потолстел, и люди обращаются к нему – «домулло». Это уважаемый человек, чтящий Коран, наизусть знающий Саади и Хафиза, совсем не тот сорванец, каким знал его твой дед. Ходжа – благочестивый мусульманин, как только ты откроешься ему, он призовет стражу.

– Не может быть... Слушай, а мы, вообще, говорим об одном и том же человеке? Я думал, Ходжа Насреддин – друг бедных, хитрец и благородный мошенник, разъезжающий повсюду на сером ослике и носящий титул «возмутителя спокойствия». Чёрт, да я же про него целых два кинофильма видел!

– А что это такое – «кинофильм»?

– А... не помню, – потупился Лев. Башмачник пожал плечами и начал складывать на блюдо остатки пиршества. Оболенский, подперев кулаком щеку, задумчиво изучал щели между грубыми досками сарая. Украденное «транспортное средство» было привязано у заднего входа и от посторонних глаз занавешено полосатой тряпкой.

– Переночуй у меня. А завтра уходи из нашего города искать своё счастье. В Багдаде ты не найдёшь ничего, кроме бесславной гибели под ятаганом эмирского палача...

– Убедил...

– Хвала аллаху! Я постелю тебе в углу.

– Нет, дышать всю ночь этой закишей кожей... увольте! Стели рядом с дверью, там хоть сквозняком тянет.

– Как скажешь, уважаемый... Вот так подойдёт?

– Ага, спасибо, самое то! Слушай, пока не спим, а так, интересу ради, где же он теперь обретается, наш переменчивый домullo?

– По улице вниз до арыка, там за базаром налево, третий маленький дом, доставшийся от родственников отца. Ходжа сейчас живёт один, он копит деньги на калым и хочет жениться...

– А-а... ну, бракосочетание – это святое дело. Когда-нибудь забегу, поздравлю молодожёнов, как только косулей слагать научусь...

– Газелей.

– Какая разница?!

– Газель – это форма стихосложения.

– А не марка микроавтобуса?

– Спи, о безумец! Ты произносишь слова непонятные, а значит, опасные для ума истинного мусульманина... Что ты сказал?

– Спят усталые игрушки, мишки спят... Ля-ля-ля-ля-ля!

– О Аллах, прояви милость и терпение, он обещал уехать завтра...

Возможно, так бы оно и было, возможно... Проблема не в том, что Оболенскому было некуда ехать. Поверьте, такие мелочи его не смущали. И не то чтобы он так уж слепо спешил исполнить просьбы дедушки Хайяма ибн Омара. Умение держать слово вовсе не означало для него фанатичной преданности клятве. Сложись обстоятельства чуть-чуть иначе... да что за дела, Лев вполне бы мог и отвалить. Как настоящий аристократ, он даже не допускал мысли, что может выглядеть смешным или может быть понят неправильно... Но, с другой стороны, именно его врождённую гордость и ухитрился невольно задеть битый жизнью башмачник. Сказав, что ему никто не будет помогать, что любой правоверный радостно предаст его в руки закона, что даже известный борец за правду –

Ходжа Насреддин и тот готов стать муллой... Ахмед честно и нелицеприятно показал молодому человеку всю безысходность его затеи. Как говорят на Востоке: «Ударом камчи не перебить рукоять мотыги». Любой разумный человек подумал бы и отступился... Проблема в том, что гордость русского дворянина не подвластна зову разума... Скажите Льву: «Этого делать нельзя, потому что сделать это невозможно». Он тряхнет кудрявой головой, высокомерно хмыкнет, улыбаясь: «Всё это чушь, старик! Смотри сюда...» – и сделает всё, как надо. Ну а если это действительно невозможно, он просто затратит чуть больше времени...

Когда Оболенский убедился, что его гостеприимный хозяин крепко спит, вытянувшись прямо на полу, он бесшумно встал, снял с гвоздика халат, сунул под мышку тюбетейку и вышел из сарая. Стояла глубокая ночь. Над спящим Багдадом дурманно сияли огромные восточные звёзды. Базар давно утих, все лавочки, палатки и сарайчики были закрыты на замки и засовы. В узеньких окнах домов не мелькал ни один огонёк, а голоса ночной стражи, раздававшиеся вдалеке, были едва различимы. Начинающий вор осторожно вывел за собой сонного ослика, обмотав ему копытца какими-то тряпками, и предупреждающе приложил палец к губам:

– Не вздумай орать невовремя, кругом люди спят. Иногда у нас, преступников, рабочий день ненормированный, а график выхода на производство скользящий. Сегодня придётся поработать ночью... Так, давай глянем бегло, где у нас тут в контролируемом районе наиболее богатые лавочки? Правильно, те, на которых висят самые большие замки, тут ты угадал... У нас на всё про всё пара часов, потом надо бодро рвать когти вдоль по улице, вниз до арыка, налево третий дом от угла. Я хочу очень ненавязчиво склонить одного потенциального домулло к вынужденному сотрудничеству в добровольно-принудительной форме! Р-раз пошли на дело я и Рабинови-и-ч...

Ослик понятливо кивнул и постарался пристукивать копытцами в заданном ритме.

* * *

Моя юрта с краю, ничего не знаю, почтеннейшие...

Вежливый туркменский отказ

Предупреждаю сразу – я не намерен спорить ни с одним востоковедом по поводу правдивости описываемых здесь историй! Как не намерен и переделывать заново эпохальный труд «Тысячи и одной ночи», давая собственную трактовку уже давно хрестоматийного произведения. Я лишь последовательно и аккуратно пересказываю хаотические воспоминания моего хорошего друга, убирая из текста наиболее крепкие выражения и придавая ему некую толику художественности. Желаящим уличить меня во вранье так или иначе придётся иметь дело и с Оболенским. А связываться одновременно с тринадцатым ландграфом и Багдадским вором я никому не порекомендую. Просто из врождённого человеколюбия. Лев редко вступает в диспуты с самоубийцей, посмевающим обвинить его во лжи. Я – чуть более терпелив, но всё-таки советую сто раз подумать. А пока спокойно вернёмся к нашим баранам... прошу прощения, героям!

В то розовое утро Ходжу Насреддина разбудил настойчивый крик осла. Наглое животное старалось изо всех сил, и звук периодически достигал такого резонанса, что в старом домике сыпалась побелка с потолка. С трудом оторвав голову от подушки и наскоро набросив халат, бедный хозяин выскочил в дверь и буквально замер на месте – в его маленьком дворике стоял совершенно незнакомый осёл и надрывно, без причины орал на одной ноте: «Иа-иа-иа-иа-а!...»

– О аллах, откуда тут это серое несчастье? – буркнул себе под нос Насреддин, ещё раз продрал глаза и медленно шагнул за порог. Ослик никуда не делся, но кричать перестал. Обойдя притихшее животное по кругу, будущий мулла даже ткнул его пальцем в бок и заглянул в глаза – бок был упругим, а в глазах отражался живой укор бессмысленности бытия, то есть осёл казался настоящим.

– Калитка на запоре, забор высокий, неужели ты прилетел сюда на крыльях любви, о мой лопухий друг? – Ходжа присел на корточки и задумчиво обратился к небесам. – А может быть, это Аллах, всемилостивейший и всемогущий, услышал наконец мои молитвы и ниспослал недостойному рабу своему серое благодеяние с четырьмя копытцами и хвостом? Вах, вах, вах... видимо, мир действительно катится в тартарары, раз уж даже такой грешник, как я, удостоивается подарка свыше. Или я праведник?! Ни за что бы не подумал, но там, на небесах, виднее... Воистину жизнь то шербет, то отстой вина! Что ж, почтеннейший отец моей возможной жены будет счастлив узнать,

что имущество его будущего зятя увеличилось на одного осла.

– Угу... – ровно подтвердил незнакомый голос сзади, – ибо теперь в этом доме ослов стало уже двое.

– Изыди, шайтан! – не оборачиваясь, попросил домулло. – Не порть праздник мусульманину...

– Не будем преувеличивать, о мой недогадливый друг, я не шайтан, я только учусь... Но поверь мне на слово, даже с ним у тебя не было бы таких серьёзных проблем, а я в каких-то вопросах гораздо менее сговорчив.

На этот раз Ходжа Насреддин обернулся так резко, что едва не упал, запутавшись в полах своего же халата. В дверном проеме его собственного дома, привалившись плечом к косяку, стоял рослый детина в дорогой, но мятой одежде. Голубые глаза смотрели насмешливо и чуть высокомерно, на тёмно-русых кудрях с трудом удерживалась расшитая тюбетейка, а пальцы незатейливо поигрывали мелкой монеткой: орел-решка, решка-орел, аверс-реверс, верх-низ... У слегка озадаченного домовладельца это невинное занятие почему-то вызвало раздражение и даже лёгкую боль в висках.

– Кто ты такой и как посмел незванным переступить порог моего жилища?!

– А где вежливое «салам алейкум, Лёвушка-джан»?!

– Ах ты нахал! Да я сейчас крикну соседей и...

– Кричи! – дружелюбно предложил голубоглазый здоровяк, одним небрежным кошачьим прыжком очутившись рядом. – Дай мне возможность собственноручно свернуть тебе шею, как излишне болтливому курёнку. Люблю превышение самообороны...

Ходжа Насреддин затравленно оглянулся – серый осёл злобно прижал уши, заслоняя крупом засов на калитке. Выхода не было, домулло ощутил себя в полной власти двух отпетых негодяев... А Лев, в свою очередь, оценивающе рассматривал низкорослого толстеющего парня лет двадцати семи, с бритой головой и наркомовской бородкой. Халат не из парчи, но вполне новый, белые

нижние шаровары с вышивкой, босой, узкие глазки бегают, но что приятно – страха в них нет. Скорее некоторая растерянность и удивление, но не страх...

– Ладно, слушай сюда, и, возможно, сегодня мы ограничимся одним воспитательным подзатыльником. Меня направил к тебе мой достопочтимый дедушка, да продлит Аллах его годы, аминь...

– А... так ты пришёл учиться?! – прозрел без пяти минут мулла. – Что же ты сразу не сказал, о необразованный? Твой уважаемый дед наверняка наслышан о том, что никто не читает Коран лучше меня, недостойного! Но я приложу все силы, чтобы обучить тебя грамоте, счёту, врачеванию, составлению гороскопов и даже...

– Притормози. Во-первых, у меня такое ощущение, что чистописание я и без тебя знаю, а открывать в Багдаде поликлинику с полисами медстрахования вообще дело гиблое. Видел я, как один умник на базаре лечил от зубной боли какого-то сельского простофилю – всучил ему обычную дорожную пыль под видом импортного порошка и содрал четыре монеты... С таким врачеванием только и жди, когда в тюрьму заметут. Нет, меня прислали совсем по другому делу...

– Какому же?

– Надо, образно выражаясь, насовать мух в плов вашего эмира.

Ходжа схватился за сердце и рухнул навзничь.

– Ну, это несерьёзно... это ты поторопился... это ты зря... – сочувственно прогудел Оболенский, присев и легко приподнимая несчастного за грудки. – Рабинович, подсоби!

Рабинович (а именно так беззаботный Лев окрестил украденного ослика) тут же процокал вперёд и повернулся задом, обмахивая малахольного домулло кисточкой хвоста.

– Напарник, ты уверен, что твой крик слышали соседи? Можешь дать стопроцентную гарантию? Отлично, мы сработаемся... Главное, чтобы любой честный мусульманин в районе двух кварталов в обе стороны подтвердил

наличие угнанного осла на частной территории некоего Насреддина. Мешки с товарами я уже разложил в художественном беспорядке, так что осталось вызвать стражу. Или предоставим эту возможность нашему негостеприимному хозяину? Смотри, смотри, сейчас очнётся и будет лаяться...

Ходжа дернулся, открыл глаза и жалобно застонал:

– Изыди с глаз моих, злокозненный сын шайтана! Бесстыжий кафир! Бесхвостый дэв! Белая обезьяна, лишённая не только шерсти, но и мозгов! Я скорее умру, чем помыслю о причинении малейшего вреда нашему достойнейшему правителю...

– М-да... надо же, как меняются люди... – задумчиво протянул Оболенский, вставая с колен и разжимая руки. Приподнятый Насреддин опрокинулся назад, больно треснувшись затылком об утопанную землю. – А ведь когда-то был неподкупным голосом народа, другом бедноты, отчаянным пересмешником и борцом с угнетателями. О нём слагались песни и легенды, простой люд в чайхане и на базаре рассказывал друг другу его анекдоты о глупом бае, жадном визире, трусливом султানে... Люди ему верили! Возлагали большие надежды и считали честью угостить его лепёшкой, пусть даже последней в доме...

– Что ты от меня хочешь?! Что тебе вообще надо, берущий за душу злодей с лукавым языком змеи... – завизжал бедолага, вскакивая на ноги. Видимо, какая-то совесть у него ещё осталась, и мой друг решил повторить попытку:

– Имею честь представиться – Лев Оболенский! Внук и единственный наследник старого Хайяма ибн Омара. Дедуля с джином Бабудай-Агой отправился на Канары, а меня слёзно попросил восстановить в этом городишке социальную справедливость. Велел зайти к тебе – дескать, только с твоей помощью я одолею великого эмира... Так что прошу любить и жаловать!

– Ты... ты... О аллах, неужели выживший из ума пьяница действительно это сделал?! – ошарашенно забормотал Ходжа Насреддин, пятась спиной к забору. – Старый дурак... я же говорил ему, что с прошлым покончено! Я потратил столько сил, заплатил столько денег, перенёс столько мук и страданий, а он... Он всё-таки нашёл себе замену и... подставил мою шею под ятаган палача! Люди! Соседи! Мусульмане! Зовите стражу, я поймал Багдадского вора-а-а!!!

Оболенский скромно потупил глазки. Пока всё шло по его плану...

* * *

В одиночку и тонуть скучно...

Леонардо Ди Каприо

Соседи появились далеко не сразу. То ли было ещё слишком рано, то ли бежать за стражниками никому не улыбалось, то ли общественная активность населения резко упала и народ ни в какую не хотел видеть на плахе очередного несчастного вора... Насреддину пришлось орать довольно долго, взывая к благочестию и законопослушанию сограждан. Лев даже позволил ему взять себя за шиворот, что очень напоминало забавную картинку типа:

«– Батя, я медведя поймал!

– Так тащи сюда.

– А он не пускает!»

В конце концов на вопли уже почти охрипшего домулло из-за забора показались два загорелых юноши с небритыми физиономиями. Наспех оценив обстановку, они оба бросились сообщать властям. Минутой позже из-за калитки высунулся старый дед с лицом, похожим на обветренную курагу. Сочувственно посмотрев на «пойманного» вора, он плюнул в сторону Ходжи, пробормотав что-то вроде: «Креста на тебе нет», но, естественно, в мусульманском контексте. Постепенно подходили и другие любопытные, кто-то злорадствовал, кто-то свистел, кто-то молча сжимал кулаки, так что за какие-то десять – пятнадцать минут забор оказался облеплен свидетелями. Оболенский даже не ожидал такого количества благодарных зрителей, а потому, прикинув, сколько времени может понадобиться страже, спокойненько повернулся к Насреддину:

– По-моему, славные жители Багдада не очень одобряют твой поступок...

– Молчи, неверный! Долг каждого благоразумного мужа, исповедующего ислам, подчиняться законной власти. У меня нет на тебя зла, но если я не предаю тебя сейчас, то потом пойду в зиндан как укрыватель.

– Логично... – признал Лев, но как бывший юрист поправил: – Не укрыватель, а соучастник. Подельник, так сказать, член преступной группировки.

– Не морочь мне голову! Скоро сюда придёт стража...

– Очень на это надеюсь. Ты, видимо, уже достаточно повеселился, я тоже развлекаюсь, не возражаешь?

– Что ты задумал? Хочешь бежать?! Ха, так ведь сказано мудрецами: «Сбежавший от меча да будет задушен собственным страхом!»

– Глубоко и символично... Дружище, ты сегодня просто сыплешь афоризмами. Хочешь одну загадку? Маленькую, пока не пришла стража... Откуда здесь этот осёл?

– Осёл? При чём тут осёл?! – раздражённо смутился покрасневший Насреддин. – Он... это... мой он. Его послал мне сам Аллах в награду за праведный образ жизни.

– Уф... надеюсь, стражники тоже любят сказки.

– Что ты хочешь этим сказать, о голубоглазый лис, терзающий мою селезёнку?!

– Ослик ворованный, – участливо пояснил Лев. – Его ищут со вчерашнего дня. Мне безумно интересно, как ты будешь объяснять его появление у себя во дворе вон тем не улыбчивым мордоворотам с копьями наперевес...

У калитки мелькнули медные шишаки городской стражи, чёрный ястреб Шехмета на щитах ясно показывал, кому они служат.

– А... но... тогда это не мой осёл! – в ужасе пролепетал домullo.

– Ну-ну... – ободряюще ухмыльнулся Оболенский и подмигнул Рабиновичу. Понятливый ослик тут же занял выжидательную позицию слева от Ходжи, умильно опустив реснички и всем видом показывая, кто здесь его любимый хозяин. Бедолага вновь закатил глаза, собираясь в очередной раз уйти в несанкционированный обморок, но не успел...

– Кто звал городскую стражу?

– Он, – честно указал пальцем Лев, спокойный, как слон (это шутка).

Стражников было трое: широкоплечий крепыш с ятаганом на поясе и сединой в бороде да плюс двое парней помоложе с доверчивыми лицами и длиннющими, неповоротливыми копьями.

– Эй, ты! А ну говори, сын шелудивой собаки, зачем ты прервал наш дневной обход?!

– А... э... э... уважа... почтеннейш... – Беспомощный Насреддин переводил жалобный взгляд с осла на стражника, с зевак на Оболенского и никак не мог совладать с языком. – Но... клянусь аллахом... он – вот! В смысле, вот он... Я и это...

– Он – Аллах?! – недопонял бородач. – Да я сию же минуту велю своим молодцам дать тебе пятьдесят палок за богохульство! Прямо по этой выдолбленной тыкве, что сидит у тебя на плечах...

– Минуточку! – снизошёл Лев. – Давайте не будем опускаться до банального милицейского произвола. Мой друг Ходжа Насреддин вызвал вас для того, чтобы сдать властям нового Багдадского вора.

– Ва-а-х... – удивились все, а минутой позже в адрес стукача полетели упреки и оскорбления. Перспективный мулла стоял опустив голову, с красными ушами, под градом народного негодования, пока наконец старший стражник не навёл хоть какое-то подобие порядка.

– И где же этот ваш Багдадский вор?

– Это я, – сделал книксен Лев. Все присутствующие разом заткнулись. Было слышно, как летают мухи, но они, к сожалению, существа неразумные и театральную паузу держать не умеют. Бородач недоверчиво оглядел Оболенского и потрепал его по плечу:

– Да уж... с такими особыми приметам, как у тебя, молодец, глупо становиться вором. Вторых голубых глаз не сыскать во всём Багдаде. Ну, и что ты украл?

– Одежду, ранее находящуюся в собственности некоего купца Гасан-бея из Бухары, несколько монет у незнакомого мне торговца на базаре и вот этого прекрасного серого осла, ещё вчера принадлежавшего двум братьям.

Один из молодых стражей хлопнул себя по лбу и начал что-то торопливо шептать на ухо старшему. Тот кивал, хмуря брови... Горожане и соседи, облепившие забор, недоумевающе переглядывались, не понимая, зачем этот безумец сам на себя наговаривает. Но хуже всех пришлось Ходже Насреддину... Как бы Лев Оболенский избавил его от необходимости объяснять «скользкое» появление краденого ослика во дворе своего дома. Этот невероятный внук старого поэта-пьяницы взял всю вину на себя. Получается, что он, Ходжа, ни за что ни про что взял и предал хорошего человека, а жестокие муки совести способен перенести не каждый...

– Похоже, ты говоришь правду, – решил наконец бородатый стражник, демонстративно кладя мозолистую ладонь на рукоять кривого ятагана. – Пойдёшь с нами, суд эмира праведен и скор. Украденный тобой осёл будет взят в уплату за труд судии, писца и палача.

Оболенский притворно склонил голову и сделал первый шаг к калитке, пареньки с копьями неловко выстроились сзади. Народ заохал и заахал, приговор ни у кого не вызывал сомнений, и тут... несчастный Насреддин не выдержал.

– Прости меня! Прости мою подлость, Лёва-джан! И вы... вы все, добрые мусульмане, простите меня, недостойного! – завопил он, падая на колени и пытаясь на ходу поцеловать край халата Оболенского.

– Да простит тебя Господь, как я прощаю, – царственно задержался кудрявый аферист. – Ибо сказано в Писании: «Прощай обидчикам своим и тебе простится на небесах». Я уже почти возлюбил тебя, сын мой!

– Какой сын? – оторопел Ходжа.

– Ну, не сын, брат... – поправился Лев, улыбочиво пояснив для старшего стражника: – Ведь все мы братья во Христе.

– Что?! – побагровел тот. – Так этот неверный баран тебе ещё и брат по вере?

– Почему же только по вере... Вообще-то у нас, реальных братанов, целая система конкретных взаимоотношений. Всё по уму и по понятиям: я ворую, он продаёт. Укрыватель и соучастник...

– Не-е-е-ет!!! – взвыл почти обезумевший домулло, но Оболенский спокойно предложил:

– Не верите? Идите в дом и посмотрите...

В скромный домик Насреддина вломилась все, включая наиболее любопытных соседей. Бедный хозяин наконец-то на самом деле потерял сознание – по стенам висели дорогие ковры, по углам валялась парча и шёлк, на полу сгрудилась серебряная чеканная посуда, а на самом видном месте стоял большущий раскрытый мешок дорогого пакистанского опиума. С таким поличным стражники не брали ещё никого...

* * *

На чужую кучу неча глаз пучить.

Это о жадности, честное слово...

Сам Оболенский уверял меня, что никакого особенного стресса не испытывал. Не сейчас, а вообще... Тьфу, ну, я имею в виду не когда им обоим вязали руки, намереваясь вести в зиндан, а вообще – в связи с неожиданным перемещением на средневековый, сказочный Восток. Так вот, стресса никакого! Нормальные люди кричат, бьются в истерике, рвутся домой, к маме, – словом, ведут себя как все реальные (невымышленные) перемещенцы во времени. Это только

у плохих писателей-фантастов героя перебрасывают черт-те куда, а у него даже нос не почешется. Можно подумать, ему в собственном мире терять было нечего... А как же дом, друзья, учёба, работа, семья и родственники? Им-то каково, когда их сослуживец, друг или законный муж исчезает неизвестно куда?! Тут такое поле для классических мексиканских трагедий, что уже не до фэнтези... Нет, дорогие мои, нормальный человек от перемещения всегда испытывает стресс и страдает всегда – это я вам заявляю вполне авторитетно. Но Лев – явление уникальное... Никакого страха, никакой паники, никакой истерики с выжиманием слёз и битьём себя коленом в грудь – ни-че-го! Ну, разве что огромное любопытство... Он с наслаждением впитывал в себя самую атмосферу нового и забытого (как ему казалось) мира, искренне считая волшебный Восток своей единственной родиной. Незнакомым словечкам, периодически у него выскальзывающим, мой друг значения не придавал. Он и смысл-то их помнил весьма приблизительно, изо всех сил убеждая самого себя в том, что он непременно должен завоевать законное «место под солнцем». Или, вернее, отвоевать его назад, ибо его род – род Багдадских воров Оболенских – наверняка заслуживал большего, чем тюрьма и плаха...

– Ходжа? Ну, улыбнись, перепетуля, к тебе обращаюсь...

– Чего тебе надо, о погубитель?

– Знаешь, зачем я всё это сделал?

– Чтобы тебе не было скучно сидеть в кандалах в одиночку... Любому шайтану ясно, что вдвоём веселее кормить вшей в эмирском зиндане. Можно даже поспорить, кто из нас больше придётся по вкусу...

– У тебя чёрный юмор, будь оптимистом!

– Не знаю, что ты называешь этим словом, но оно наверняка вредно для печени...

– Всё, не смей меня больше, а то я забуду, с чего начал. Сейчас стражники малость придут в себя и потащат нас к вашему местному прокурору. А там, как мне помнится, обитается некий злой дядя по кличке Шехмет. Так вот, поверь мне, он себя судебным разбирательством утруждать не будет – повесит нас обоих за милую душу, и всё!

– Да, господин Шехмет – человек горячего нрава... Но вешать никого не станет, он нас обезглавит или четвертует. Говорят, ему нравится запах крови...

– А-а... вот тут-то мы, кажется, начинаем понимать друг друга. Подхожу к сути: если ты настоящий Ходжа Насреддин, то избавь нас обоих от столь дебильной смерти! На всякий случай намекаю – лично меня эти смешные узелки на запястьях не удержат.

– Ты – наглый, лукавый, коварный, хитроумный, бессовестный отпрыск великого змия-искусителя, обладающий в придачу ко всем перечисленным порокам упрямством лопухого осла!

– Не трогай Рабиновича! Он мой напарник...

– Нет, это мой осёл! Мой, мой, мой...

– Должен ли я понимать это как твоё безоговорочное согласие?!

Ответить Насреддин не успел, так как именно в эту минуту стражники наконец-то определились с примерным планом действий. Один молодой напарник оставался охранять «место преступного сговора» (то есть маленький однокомнатный домик, набитый украденным добром). Старший бородач и второй юноша должны были отконвоировать «злодеев» в зиндан, где их, возможно, пожелает увидеть тот самый грозный начальник, чей суд скоротечен и страшно справедлив. «Страшно» – здесь ключевое слово, а «зиндан» – специальная яма с узкой горловиной, куда задержанных ослушников опускают на верёвке. Классических тюрем, как в цивилизованной Европе, в древнем Багдаде не практиковалось.

По счастью, более опытный стражник повёл их в зиндан окольной дорогой. Она, конечно, была более длинной, но зато на пустынных старых улочках исключалось столкновение с другими стражниками, которые могли бы присоединиться к конвою и, соответственно, потребовать свою часть награды (хотя, по правде говоря, у бородача уже лежали за пазухой два серебряных блюда, а под щитом через руку был переброшен изрядный кусок шёлка...). Позабытый ослик осторожно цокал копытцами сзади.

Как только любопытные слегка отстали, окончательно разнюнившийся Ходжа Насреддин ударился в скорбный плач:

– О, Аллах, прости меня, недостойного! Зачем я крал?! Зачем укрывал вора?! Это всё злые проделки шайтана, попутавшего, сбившего с истинного пути доверчивого мусульманина... О, позор на мою бедную голову! Зачем я перепродавал краденое?! Зачем копил эти бесчестные деньги, нажитые несправедливым трудом? О мои бедные родители... они бы восстали из могил, если бы узнали, чем занимается их единственный сын, навеки опозоривший имя отца! Разве принесли счастье мне, ненасытному, эти три тысячи таньга?!

– Сколько-о-о?! – Стражники дружно споткнулись на ровном месте.

Домулло закатил глаза, тяжело вздохнул и незаметно пихнул Оболенского локтем. Лев удовлетворённо хрюкнул и поддержал комедию:

– Молчи! Ничего им не говори! Это твои... мои... наши таньга!!!

– Вай мэ! Безумец, как ты можешь думать о презренных деньгах, когда наши грешные души вот-вот предстанут перед престолом Аллаха?!

– Точно, точно... – торопливо закивали стражники. – Облегчите своё сердце, и всемилостивейший дарует вам путь к гуриям рая!

– Какие, к чертям, гурии?! – вовсю веселился Лев. – Молчи, Ходжа, они просто хотят забрать наши деньги!

– Как смеешь ты такое говорить?! Эти достойные люди, что служат в городской страже нашего эмира, под благословенной рукой самого Шехмета, – гордость и честь Багдада! Не чета нам, преступникам и негодяям... Я хочу, чтобы моя совесть была чиста! Три тысячи таньга, две сотни дихремов...

– Ва-а-а-х!!!

– Не перебивайте, уважаемые... – вежливо попросил Насреддин ошеломлённых слуг закона, – я ещё ничего не сказал о золоте.

– Ну хоть о золоте-то не говори! – театрально взмолился Оболенский, мгновенно схлопотав древком копья по голове. Это здорово охладило его творческий пыл, и он вынужденно заткнулся, предоставив возможность герою многих сказок и легенд доиграть эту авантюру самому. Чем тот и воспользовался в полной мере...

– О доблестные и отважные герои, я вижу, что сердца ваши так же чисты, как сталь эмирского ятагана. Позвольте же мне, закоренелому преступнику и презренному обманщику, совершить хоть один праведный поступок перед тем, как закончится мой бесславный жизненный путь! Возьмите все спрятанные деньги – три тысячи таньга, две сотни дихремов и... я точно могу вам довериться?!

Стражники с выпученными от воодушевления глазами страстно поклялись всем на свете, что только им можно доверять. У обоих от алчности уже тряслись руки, бежала слюна и подкашивались ноги в коленях.

– На другом конце города... – торжественно-замогильным тоном заговорщика начал Ходжа, выдержав долгую паузу, – у старого минарета Гуль-Муллы, под третьей плитой от края тени крепостной стены, в тот миг, когда солнце встанет в зените и...

– Что «и...», уважаемый?!

– Я... О, Аллах, всемилостивейший и всемогущий! Как я мог забыть... Пять шагов на север или восемь на юг?! Нет, нет, нет... Может быть, двенадцать на восток и рыть землю под чинарой? Не помню... Будь ты проклят, шайтан, запутавший мою бедную голову! Как я теперь объясню этим праведным мусульманам, где закопаны три тысячи таньга, двести дихремов серебром и девяносто пять динаров золотом?!

Сумма решила дело. Бородач, как старший, быстро договорился с зелёным напарником, что-то ему пообещав, и тот, едва не плача, повёл Оболенского куда следовало. А Ходже Насреддину пришлось топтать в противоположную сторону, и его крики ещё долго разносились по проулку:

– Заклинаю вас построить на эти деньги мечеть! Самую большую, самую красивую мечеть во всём Багдаде! Чтобы любой мусульманин, от самого эмира

до простого базарного башмачника, поминал моё имя добрым словом!
Запомните, от эмира и до башмачника...

– Место встречи изменить нельзя, – сентиментально пробормотал Оболенский. Молоденький стражник осторожно подталкивал его тупым концом неудобного копья. Ослик увязался за Насреддином...

* * *

Научи дурака Аллаху молиться, он во время намаза лоб расшибёт!

Общая проблема новичков в медресе

Помню первый шок Маши Оболенской, когда после очередного визита к бессознательно лежавшему в коме мужу её остановили на выходе из больничного отделения. Двое милиционеров и страшно смущающаяся медсестра очень вежливо попросили предъявить сумочку. Ничего не понимающая Маша безропотно сдала вещи и даже позволила работникам органов поверхностно ощупать карманы своего полупальто. Не обнаружив ничего особо интересного (читай: особо ценного, подозрительного, наркотического, огнестрельного или запрещённо-валютного), милиционеры принесли соответствующие извинения, и медсестра самолично проводила госпожу Оболенскую к выходу. По дороге она счастливо проболталась (под большим секретом, разумеется), что в их больнице стали обворовывать. Причём не больных, а исключительно медицинский персонал любого ранга! Сначала пропадали какие-то мелочи типа ручек, градусников, блокнотов и брелков. Поначалу никто и не тревожился – ну мало ли куда могла закатиться дешёвая авторучка или затеряться телефонная книжечка? Согласитесь, это ещё не повод бить тревогу... Но вот когда начали исчезать деньги, кошельки, часы и кольца, главврач решился прибегнуть к услугам опытных оперов. Да и решился-то, к слову, только после того, как в один из обходов «оставил» неизвестно где дорогой «роллкс» и фамильную печатку с алмазиком. Последние два дня в здании больницы постоянно дежурил милицейский наряд. Проверяли практически всех. Ничего из пропавшего или украденного обнаружено не было. Зато успешно задержали зав. больничной столовой при попытке вынести за территорию двенадцать килограммов диетического мяса. Это внесло хоть какие-то надежды на справедливость «высшего суда»,

но таинственный вор так и не был обнаружен...

С храбрым азиатским юношей Оболенский управился минут за пять. Причём без эффектных каратистских ударов ногами в вертикальном прыжке, на полном шпагате, пяткой в ухо. Нет, всё оказалось гораздо проще и практичнее...

– Алло, служивый! Глянь-ка, что-то у меня верёвки на руках развязались...

– О шайтан!

– Вот и я говорю, поправить бы надо, а то сбегу ещё... – Лев повернулся к стражнику спиной и пошевелил сваливающимися с пальцев путами. Парнишка доверчиво прислонил к заборчику долгомерное копье и взялся за веревки. Что произошло дальше, он, по-видимому, так и не осознал – одно мгновение, и тугие узлы стянули его собственные запястья! Каким образом, стоя спиной и ничего не видя, можно было провернуть такой фокус – остаётся только догадываться... Думаю, что всех чудес воровского таланта, дарованного ему чёрным джином Бабудай-Агой, не знал даже сам Оболенский.

– Что... что ты наделал, злодей?!

– К незнакомым людям старшего возраста надо обращаться на «вы»! – наставительно поправил Лев и, примериваясь, взялся за копье.

– Пощадите! – приглушённо пискнул стражничек, от великого испуга падая на колени. – Уважаемый Багдадский вор, не убивайте меня, а? Мама плакать будет...

– Да уж, старушка бы огорчилась... Ладно, позверствую как-нибудь в другой раз, с кем-нибудь ещё и не в этом месте. Так и быть, отпущу тебя живым-здоровым, но за это выполнишь одно моё поручение.

– Всё, что захотите, почтеннейший! Папой своим назову!

– Ну, это лишнее... – великодушно отмахнулся Лев. – Просто передавай от меня привет господину Шехмету, уточни, понравилось ли ему моё вино, и попроси,

чтобы он сегодня же сообщил вашему эмиру о том, что я вернулся! Запомнил? Пусть знает: Багдадский вор в городе и имя ему – Лев Оболенский!

– Шехмет... вино... эмир... вор... Оболенский-джан! – торопливо выдал парнишка, боясь, что «злодей» передумает. Но нет, Лев лишь одобрительно кивнул и, чуть оттянув локти стражника назад, просунул меж ними и спиной древко его же копья.

– Молодец! Пересказал всё, как на экзамене, немножко по-своему, но очень близко к тексту. Теперь можешь идти с докладом к начальству. Копьё я тебе прицепил, не потеряешь... Только не спеши, для такого проулочка слишком уж оно длинное – а то ещё споткнешься, нос себе расшибёшь. Что я маме твоей скажу?

После чего Лев заботливо поправил стражнику съехавший набок шлем с чалмой и, насвистывая, отправился восвояси. Не успел он отойти и на десять шагов, как сзади раздался характерный грохот. Юноша попытался встать слишком резко, въехал тупым концом древка в чью-то глинобитную стену и теперь лежал, задрав ноги под оригинальным углом. «Растыкам бог не помогает...» – с чисто русской философией бытия отметил Лев, так же неторопливо продолжая путь.

Где-то после полудня в скромную лавчонку башмачника Ахмеда наведалься солидный седобородый муфтий. Белые одежды сияли натуральным шёлком, четки вращались на пальце со скоростью пропеллера, а голубые глаза из-под высокой чалмы играли нахальными искорками. Башмачник сначала вскочил, кланяясь духовному лицу и пытаясь поцеловать край его одежд, потом пригляделся... Некоторое время Ахмед просто стоял соляным столбом, пока степенный аксакал, обогнув его, без приглашения шагнул в сарайчик и, высунув руку, щедро сыпанул за пазуху хозяину горсть серебряных монет. Башмачник вслух помянул безмозглого шайтана, скорбно прикрыл лицо руками, после чего свернул торговлю и отправился в обжорный ряд. Вездесущие соседи поспешно гадали насчёт нежданной удачи своего товарища, вот уже второй день принимающего богатых гостей. «Видимо, в своих путешествиях он научился заводить полезных друзей... – кивали они. – Бухарский купец на осле, почтеннейший муфтий, словно только что пришедший из медресе. Наверняка ему щедро платят за ужин и ночлег. Уж не решил ли башмачник открыть здесь свой постоянный двор?»

...Осторожные поскрёбывания с наружной стороны сарайчика раздались, едва друзья присели к столу. К столу – это, впрочем, громко сказано: большой поясной платок был расстелен прямо на полу, а уж поверх него дымились блюда со свежей бараниной, пирожками в масле, шанхайским рисом и прочими вкусными сытностями.

– Свои! – глянув в щёлку, с ходу определил Оболенский, хотя скребущийся был одет в платье городской стражи. – Ходжа, заходи! Ахмед, будь другом, ещё один прибор и пиалу для почтеннейшего гостя.

– Домулло?! – искренне поразился башмачник, впуская стражника.

– Был домулло, да весь вышел! – бегло огрызнулся Насреддин и, не дожидаясь приглашения, бухнулся на пол, скрестив ноги. Левой рукой он ухватил баранью лопатку с ещё тёплым мясом, а правой зачерпнул полную пригоршню плова. Оболенский вытер руки собственной фальшивой бородой и подмигнул Ахмеду. Тот так и стоял в изумлении, не сводя глаз с обжористого визитёра.

– А я как раз закончил рассказывать весёленькую историю о юном стражнике, сопровождавшем Багдадского вора в тюрьму. Надеюсь, парнишке не слишком влетит за бегство такого ценного арестанта? Ей-богу, я бы на месте Шехмета не наказывал новобранца, он ведь не знал, с кем имеет дело... А ты, дорогой товарищ, как управился со своим конвоиром?

Ходжа бросил на Оболенского злобный взгляд, цапнул с блюда половинку курицы и рвал её кусками, почти не прожёвывая. От жира его покрасневшее лицо казалось покрытым лаком...

– Костюмчик мой, бухарский, успел примелькаться, а тут иду мимо приличного коттеджика и вижу, как упитанный такой дедуля омовение совершает. Нет, не во дворе, в домике, но мне при моём росте и через забор видно. Бросил ему монетку медную в тазик – он так и обалдел! Выскочил с тазом на порог, смотрит на небо, вроде ещё ждёт чего-то... Я одежонку праздничную с крючка снял и тем же макарон, через забор, на улицу. Переоделся в уголочке, у чьей-то пегой кобылы на ходу полхвоста отрезал – стал весь из себя такой уважаемый саксаул! А ты где прибарахлился?

Ходжа перестал жевать, долгую минуту смотрел прямо в глаза Оболенского, ничего утешительного не высмотрел и переключился исключительно на плов.

– Здоров жрать, приятель! Ладно, вижу по лицу, что у тебя большое горе... Но не совершай распространённой ошибки – горе надо не заедать, а запивать. То есть топить его в вине, как блудливого котёнка! Ахмед, не жмись! Ну, не жмись, я же давал тебе два кувшина. Посмотри, в каком состоянии человек...

– Аллах не позволяет мусульманам... – начал было башмачник, но небольшой кувшин достал. Насреддин махом вырвал его из хозяйских рук и, запрокинув голову, не отрываясь, вылакал почти половину. Крякнул, вытер рукавом губы и, обращаясь в никуда, с чувством заявил:

– Ох и сволочь ты, Лёва-джан!

– Как вы... выговариваете... такие слова, домулло?!

– Пусть говорит, – благодушно отмахнулся Лев, делая долгий глоток из того же кувшина. – Мужики, ну чё вы как не родные, ёлы-палы? Все всё понимают, а туда же... Не было у меня иного выбора! И у него не было! И у тебя! А теперь все мы... по самую шею... и хрен бы с ним! Ахмед, поставь назад пиалы, что мы, забулдыги какие – из горла хлебать?!

* * *

Что у трезвого на уме, а у пьяного на языке?

Простая персидская загадка

– Ну... рас-с-с-кжи, ещё раз!

– Не проси! Ты пьяный...

– Сам ты... это слово! Расска-а-жи, а...

– Ходжа, я тебе говорил, чтоб Ахмеду не наливал? Ты глянь, его ж развезло в стельку!

– Ну, дому-му-му...ло! О! Выг-варил... расс-к-жи!..

– Уговорил, отвяжись только... – Ходжа поудобнее привалился спиной к согнутому колену Оболенского и в третий, если даже не в четвертый, раз поведал благородным слушателям свою душещипательную историю. Трое, теперь уже закадычных, друзей возлежали на старом тряпье, заменявшем башмачнику постель, и лениво потягивались после сытного обеда. Ахмеду действительно хватило полторы пиалы местного терпкого вина, чтоб упиться до свинячьего хрюканья. Лев и Насреддин ощущали лишь лёгкую эйфорию, говорившую о хорошей закалке в тяжком деле потребления креплёных жидкостей...

– Начнём с того, что всю дорогу этот внебрачный сын каракумского шакала клялся, что построит на мои деньги самую большую мечеть. А сам выучится на муллу, будет по утрам залезать на минарет и своим козлоподобным голосом славить бессмертное имя Аллаха... Я был терпелив и не разубеждал беднягу, ибо доподлинно известно: «Кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб». К старым развалинам Гуль-Муллы дотопали где-то к полудню, по пути я ещё убедил его купить мешок побольше для откопанных денег. Так этот предусмотрительный пасынок безрогой коровы взял такой, что в него можно было запихнуть даже Тадж-Махал!

– Тадж-Мх...мх...мыхал... Ой, не могу! – опять затрясся в пьяном хохоте счастливый башмачник. Оболенский благодушно сунул ему в рот недоделанный чувяк (слишком громкий смех был не в их интересах). Ходжа покачал в своей пиале остатки вина, зачем-то по-собачьему лизнул его и продолжил:

– Мы зашли за минарет, и он битый час обкапывал своим ятаганом чью-то могильную плиту. Это, конечно, очень грозное оружие, но в качестве мотыги никуда не годится. Я, кажется, даже задремал в тенёчке, пока взмыленный бородач окончательно не стёр себе руки до мозолей. От жары и пота он снял с себя всё, кроме нижних штанов... И всё равно сдвинуть такой кусок камня в одиночку ему было не под силу. Пришлось признаться, что я делал это с помощью ночных дэвов, хранителей развалин, и поэтому заклинание их вызова надо произносить в темноте...

– А... пщему в тем...н... те?!

– Ну они же ночные дэвы... Из тех дэв, что приходят по ночам, по вызову. Их ещё называют путанами, вокзальными феями или вот, как у вас, ласкательно – «дэвушки»... – охотно просветил Лев.

– Клянусь чалмой пророка, от тебя ничего не скроешь, о мой вороватый друг! – восхищённо прищёлкнул языком Насреддин. – Хотя я имел в виду других дэвов, но к твоим «ласкательным» мы тоже вернёмся в своё время... По моему совету, этот недобрый брат башкирского барана полез в мешок, дабы во тьме читать заклинание. Для пущей надежности он освободил мне руки, чтоб я мог затянуть мешок для исключения попадания, даже случайного, солнечного лучика. Конечно, я не мог не уступить страстной просьбе мусульманина... Потом он усердно учил слова (пока я переодевался в его платье) и старательно оглашал окрестности правдолюбивыми рубаи твоего уважаемого дедушки Хайяма: «Мы чалму из тончайшего льна продадим, и корону султана спяна продадим. Принадлежность святош, драгоценные чётки, не торгуясь, за чашу вина продадим!» О Хызр благословенный, голос у недалёкого громче, чем у нашего Рабиновича...

– Да, кстати, а где мой осёл?

– Мой! – сухо напомнил Ходжа. – Когда ты втравил меня в это дело, то сознательно пожертвовал мне осла. Я давно просил у Аллаха ниспослать мне именно такого. Между прочим, он привязан у задней стены...

– А дальше... ну-у... чё он... с ним... дальше-то?!

– Я говорил, больше ему не наливать?

– Я и не наливал, он втихаря из твоей пиалы перелил.

– Вот пьянь! – ахнул Оболенский. – Нашёл у кого красть...

– Да уж, похоже, башмачник Ахмед – первый человек, ограбивший самого Багдадского вора! Ладно, ляг на место, о нетрезвый отпрыск случайной любви торопливых родителей, я поведаю тебе конец этой истории.

– Ты уже три раза поведывал.

– Вах! Стыдись, Лев! Не тебе же рассказываю... Мне, может быть, самому приятно лишний раз вспомнить?! Так вот, потом я вышел к мечети, остановил двух благопристойных юношей, идущих из медресе, и приказал им посторожить мешок с богохульником и злодеем. Один обещал вслух читать над ним молитву, а другой – бить по мешку палкой, если раскаяние грешника не будет достаточно искренним. Надеюсь, все трое с пользой проводят время...

Добросовестного рассказчика прервал торопливый стук копытцем в стену. Переглянувшись с Ходжой, Оболенский встал и осторожно выглянул наружу – ослик вовремя поднял тревогу: по базару шли мрачные стражники с чёрным ястребом на щитах. Они переворачивали все лотки, заглядывали в палатки, врывались в лавки, с бульдожьим упрямством кого-то разыскивая. Впрочем, кого именно, нашим героям объяснять не пришлось – на этот счёт у них было только одно предположение, и оно было верным...

– Шухер, братва! Нас ищут!

– О шайтан! Сколько же меднолобых нагнали по наши головы... – только присвистнул Насреддин, лихорадочно нахлобучивая на макушку шлем с чалмой. – Лёва-джан, от меня сильно пахнет вином?

– А ну, дыхни! Вау-у... попроси у Ахмеда сырого лука или «Дирол» ментоловый, а то даже мне от твоего перегара петть хочется.

– Вай мэ! Да на себя бы посмотрел... – в тон отмазался Ходжа. – Бороду поправь, она у тебя почему-то прямо из левого уха растёт, и нос намажь кислым молоком – горит, как...

– ...лампочка Ильича! – утвердительно закончил Оболенский, быстренько наводя необходимый макияж. – Берем Ахмедку, грузим плашмя на Рабиновича и делаем ноги. Аллах не выдаст, верблюд не съест! Насчёт верблюда могу поклясться, сам проверял...

– Да, как говорили мудрецы: «Не знающий укуса пчёл не оценит вкуса мёда». Ахмед... Ахмед! О нечестивый внук нетрезвой лягушки, как ты можешь спать в такое время?!

А бедолагу-башмачника, свято соблюдавшего строку Корана и, соответственно, давно не принимавшего «за воротник», развезло в никакую! Благо что пьяных дебошей он пока не учинял, а смирненько храпел себе в уголке, обняв пустой кувшин и сопя носом в холодные «останки» плова.

– Не надо, не буди! – Оболенский перехватил руку замахнувшегося Ходжи. – Грузим его так, меньше брыкаться будет. Я – за руки, ты – за ноги, взя-а-ли... О, какой же ты тяжёлый, худосочный производитель кустарных тапок с загнутыми носами! Рабинович?! Ты хоть не зли, нашёл время для шуток...

Видимо, ослик всё-таки осознал значимость возложенной на него задачи и перестал брыкаться. Но в детских глазах лопоухого животного затаились огоньки невысказанной обиды, ибо возить на себе пьяниц он явно почитал недостойным! На этот раз Рабинович смолчал и подчинился... Льву не очень понравилась такая подозрительная покорность, но рассуждать было некогда. Перебросив блаженствующего Ахмеда на спину ослика, друзья шагнули навстречу неумолимой судьбе. Почему уже друзья? Да, я помню, что сначала они совершенно не понравились друг другу, но поверьте, в среде настоящих мужчин уважение завоёвывается быстро. Общие враги порой объединяют сильнее, чем кровные узы. И Ходжа Насреддин в этой долгой, неравной схватке с честью доказал своё право носить высокое имя «возмутителя спокойствия» в веках! А Лев... что ж, он всегда слишком легкомысленно относился к славе. Думаю, что только из-за этого затерялось у неблагодарных потомков его настоящее имя, оставив нам лишь неотразимый титул – Багдадский вор!

* * *

Настоятель храма просто обязан заниматься боксом!

Золотое правило шаолиньских монахов

Уйти с базара незамеченными они не могли, стражники Шехмета знали своё дело, и все уголки-проулки были перекрыты основательными пикетами. Поодиночке нашим героям наверняка бы удалось удрать, но бросить в лавчонке пьяного Ахмеда – означало навлечь на башмачника справедливые подозрения. Не говоря уж о том, что пьянство – большой грех в исламе, несчастный в таком

состоянии разом бы выболтал всё. Поэтому авантюристы пошли ва-банк, внаглую двинувшись через весь базар навстречу ожидающим их стражам порядка. Торговцы и покупатели, местные и приезжие, нищие и дервиши, женщины в чадрах и босоногие мальчишки – все возмущённо галдели, толкались, путались друг у друга под ногами, но революций не устраивали, видимо, народу подобные «базарные чистки» были не в новинку.

– Лев!

– Во имя Аллаха... – царственно продолжал Оболенский, почему-то мелко крестя каждого, кто кланялся ему как лицу духовному.

– Лев! Чтоб тебе опупеть раньше времени... Ты хочешь нас погубить?!

– Конкретизируйте ваши инсинуации.

– Какого шайтана ты делаешь?!

– Я их благословляю.

– Крестным знаменем?! – на полушёпоте взвыл Ходжа, он шёл чуть сзади, обливаясь потом, и придерживал пьяного Ахмеда, так и норовившего сползти с ослика. – Тут же всё вокруг правоверные мусульмане! Один ты... Слушай, а ты, часом, не тайный христианин?!

– Пресвятая богородица, конечно же нет! – искренне возмутился Оболенский, но в душе засомневался. Уж слишком естественным было для него упоминание православных святых и ощущение нехватки серебряного крестика на шее. Но спорить с самим собой в такое отчаянное время казалось непростительной глупостью, а потому первого же вставшего у них на пути стражника Лев уже не перекрестил, а... по-отечески обнял, троекратно расцеловав в обе щеки! Шестеро боевых товарищей обласканного героя буквально остолбенели на месте... Ну, и в результате Оболенский, естественно, прошёл через караул беспрепятственно. Никому и в голову не взбрело даже задать хоть один невежливый вопрос такому любвеобильному муфтию, не говоря уж о попытке задержать... А вот Ходжу Насреддина, разумеется, остановили...

– Из чьего ты десятка, собрат наш?

– Ха, да разве не видно по моей осанке и горделивому виду?! – храбро отвечивал домулло, бледнея от страха. – Наш десятник человек мужественный и суровый, с сердцем снежного барса и нором сибирского тура, он не любит, чтобы его имя трепали попусту...

– Тьфу, шайтан! Если ты из людей этого зазнайки Махмуда, так и скажи, а то наворотел тут... – сразу «угадали» стражи. Ходжа безропотно кивнул, ему-то уж точно было без разницы. Главное, что приняли за своего, дальше посмотрим...

– Кого это ты тащишь?

– Поймал нарушителя заповедей Аллаха – этот наглец не только посмел пить вино, недозволительное истинным мусульманам, но ещё и упился им до визга презренной свиньи!

– Уй, нехороший сын шакала... – однообразно ругнулись стражники, но допрос не прекратили. – Брось его в арык, нам поручили более важное дело. Разве твой начальник тебе не сказал?

– А... м... ну вы же знаете нашего Махмуда!

– Да уж, знаем... Вся городская стража поднята по приказу грозного Шехмета, да продлит Аллах его годы! В Багдаде появился странный чужеземец, оскверняющий своим дыханием благословенный воздух наших улиц. Этот злодей ограбил целый бухарский караван, украл стада ослов у двух братьев, жестоко обманул и избил самого юного стража и в довершение всех преступлений... попытался отравить самого господина Шехмета!

– Ва-а-а-х... – невольно вырвалось у обалдевшего Ходжи. – Так этот гад упёр столько добра и даже не поделился с товарищем?!

– Не болтай лишнего! О том, как, чем и с кем делится Далила-хитрица или Али Каирская ртуть, запрещено даже думать! Что-то плохо вас учит этот тупоголовый Махмуд...

– О благороднорождённые друзья, – отдышавшись и хоть как-то уняв безумно бьющееся сердце, заговорил Ходжа. – Я сейчас же последую вашему совету, сброшу недостойного в арык, отведу его осла в наши казармы и усердно примусь за розыски чужеземца. Молю об одном – скажите, где мой десяток?

– Да вон же, разуй глаза! – сочувственно посоветовал кто-то.

Насреддин повернул голову, глянул, изменился в лице и, не вдаваясь в объяснения, размашистым шагом рванул с базара. Стражники Шехмета чуть удивлённо воззрились ему вслед, пока шестеро других стражей с полуголым человеком не подбежали к ним, возмущённо вопя:

– Зачем вы отпустили злодея?! Это же коварный обманщик Насреддин, фальшивый мулла и бесстыжий плут! Он украл всю одежду бедного Фариды...

Теперь уже все тринадцать городских стражников, таким вот несчастливым числом, развернулись в погоню. И надо признать, догнали бы фальшивого «собрата» достаточно быстро (тот не мог бежать, вынужденно придерживая постоянно сползающего башмачника), но на пути преследователей непоколебимой скалой встал высоченный муфтий в белых одеждах:

– Во имя Аллаха, остановитесь, еретики! Ещё шаг – и я тут же всех от церкви понаотлучаю на фиг!

Стражники невольно замерли, сражённые мощью львиного голоса и опасным русским весельем, заигравшим в голубых глазах представителя мусульманского духовенства. Оболенский, как вы помните, беспрепятственно прошедший мимо оцепления, повернул назад, как только увидел, что его друзьям грозит опасность. Прикрывая широкой спиной отход Ходжи, Ахмеда и Рабиновича, он воздел руки к небесам и постарался возвысить голос так, чтоб его услышало полбазара:

– Именем Господа нашего, принявшего смерть на кресте, и пророка его Мухаммеда, прокляну каждого, кто только вякнет слово против! Это до чего же вы тут дошли без духовного пастыря?! Своим же правоверным морду бьёте... Можно подумать, у вас на роль боксёрской груши других вероисповеданий мало? А преподобные Муны, Шри-Чинмои бритоголовые, гуру Нахабы, Ваджры всякие, я уж молчу о Роне Хаббарде... Вот где разгуляться чешущемуся кулаку

истинного мусульманина! Покайтесь, дети мои... Покайтесь в грехах своих публично! Или я за себя не отвечаю...

– Это... он! – почему-то тонюсеньким голоском пропищал тот самый бородач, что арестовывал Льва и «одолжил» свой костюмчик Насреддину. Теперь он белел среди разодетых в шелка и доспехи товарищей нижними шароварами и, дрожа, махал в сторону Оболенского руками. – Это он – Багдадский вор! Я запомнил его по глазам...

Стражники нервно склонили копья, народ со всех сторон окружил их плотной стеной, ожидая развязки. Прочие слуги закона бросили свои посты, освободив все проходы, и также двинулись к месту развития основных событий. Убедившись, что на него все смотрят и бежать в общем-то некуда, Оболенский поучительно покрутил пальцем у виска:

– Дожили... Нет, граждане багдадцы, вы только гляньте, что тут за произвол творится?! Меня, честного православного муфтия, какая-то шавка полицейская во всех грехах обвиняет...

– Да он же это! Точно – он, клянусь аллахом! – Осмелевший от численного превосходства Фарид бодро прыгнул вперёд, вцепился в белую бороду Льва и... оторвал её напроочь. Народ испуганно ахнул... Но вместо того чтобы упасть, обливаясь кровью, «православный муфтий» почесал гладко выбритый подбородок и, повернувшись к людям, заявил:

– Вот! Видели?! При всём базаре опозорили уважаемого человека – бороду оторвали... И кто?! Извращенец в нижнем белье, горилла с тараканьими мозгами! Ну, чё? Так никто и не заступится за моё духовное лицо? Ладно, тогда я сам...

Никто и моргнуть не успел, как мощный свинг Оболенского отправил раздетого стражника в короткий полёт. Для остальных шехметовцев это послужило сигналом к бою... Нет, как бы то ни было, один против двенадцати Лев бы не выстоял. Он только-только успел всласть дать в ухо самому резвому, как над базаром взлетел истошный крик какого-то фанатичного поборника истинной веры:

– Что же мы стоим, правоверные?! Муфтия бьют!!!

Это было первое всенародное гулянье за многие годы...

* * *

Зиндан – театр, а воры в нём – актёры...

Лирика

Лев рассказывал, что ему в этот день здорово досталось, но и он, как водится, отвёл душу. Вообще, жители Востока гораздо более законопослушные граждане, чем, например, европейцы или, не приведи господи, россияне. Это у нас с вами чуть что не так – народ разом в обиженку, и очередной бунт обеспечен. О крупных исторических восстаниях (типа разинщины, пугачёвщины или, тем более, Октябрьской революции) речь даже не идёт. Если перелистаете страницы учебника истории, то поймёте, что мелкие бунты, на уровне губерний, уездов, городков и деревень, в России вспыхивали едва ли не с помесечной периодичностью. Прямо какие-то регулярные «критические дни» для страны, прошу прощения за вульгарность... На Востоке, в Персии или Аравии, всё было гораздо более благопристойно (по крайней мере внешне). Может быть, там законы пожёстче, может, люди умеют учиться на чужих ошибках, но вот то, что произошло на багдадском базаре, было для города из ряда вон выходящим событием. Учинить грандиозную драку, выступив против стражи Шехмета, а значит, и против самого эмира... это круто! Держу пари, разгорячённые багдадцы и сами не поняли, куда влезли... Мусульмане приучены к покорности «властям предержащим» и решились на активное противодействие закону исключительно потому, что усмотрели в поведении стражи явное оскорбление ислама. Факт избиения ни в чём не повинного «муфтия» (то есть лица духовного, облечённого доверием Аллаха) подрывал в глазах народа сами устои истинной веры. На чём, как вы видели, и удалось сыграть беспринципному голубоглазому мошеннику. И о чём Лев, кстати, ни разу не пожалел, хотя размышлять об этом ему пришлось в тюрьме...

Зиндан. Красивое, загадочно-звонящее слово, а на деле – сырая, вонючая яма за конюшней, на задворках глинобитного барака, гордо именовавшегося казармой. Оболенского повязали чисто случайно, кто-то из стражников сломал тяжёлое копье о его кудрявую голову, и бессознательного святошу, словно пойманного гиппопотама, под шумок уволокли с базара. Его честно тащили

на собственных горбах четыре стражника, все прочие так завязли в драке, что явились уже под вечер, хромая и поддерживая друг друга. Высокородный господин Шехмет тут же приказал посадить Багдадского вора на кол, но был срочно вызван к эмиру и перенёс казнь на утро. Таким образом, Оболенский пришёл в себя спустя довольно долгое время от боли в голове и ломоты в пояснице. Вокруг кромешная тьма... Где-то высоко маленькое, круглое окошечко, прикрытое деревянной решеткой, и сквозь него струится слабенький лунный свет.

– Какого шайтана я здесь делаю? Неужели сам заполз с похмелюги... – К чести нашего героя, стоит признать, что он ни от чего не отрекся и, как попал в столь незавидное положение, вспомнил быстро. – Ах ты, стража шехметовская, мать вашу за ногу да об стенку! Запихнули-таки ясного сокола в камеру одиночную, срок безвинно мотать... Ой, ёшкин кот, а условия-то тут какие свинские!

Кое-как встав на ноги и убедившись, что на первый взгляд ничего не сломано, не откусано и не отрублено, Лев попытался осмотреть место своего заключения. Результаты показали ему не очень утешительными: большая яма без малейших намёков на удобства (нет ни нар, ни туалета, ни питьевой воды), стены гладкие из обожжённой глины (изнутри зиндан заполняли ветками и запаливали огромный костёр, укреплявший глину на стенах до крепости стандартного кирпича), выход один – через отверстие сверху, но оно так высоко, что подняться без верёвки или лестницы – задача абсолютно невыполнимая. На холодном полу нашлось немного перепрелой соломы, обрывки тряпок и чьи-то кости. Ну, и воздух... соответственный. От столь ужасающей антисанитарии Лев впал в глубокую депрессию. Он грузно уселся прямо на пол и очень тихим голосом, сдержанно, без истерики, попытался поговорить сам с собой. Обычно это считается первым признаком сумасшествия, но, поверьте, не в нашем случае.

– Тихо, Лёвушка, не плачь, не утонет в речке мяч! Надо мыслить позитивно, так и дедушка Хайям учил, чтоб ему... Отдыхает старый хрен где-нибудь на Карибском побережье, коктейли через трубочку пьёт, девиц в бикини любовными рубай охмуряет, а я тут сижу по уши в вонизме, как граф Монте-Кристо! Ох, ох, ох... что ж я маленьким не сдох?! Конечно, таланты у меня, как у самого крутого уголовника. Могу украсть... всё, что хочешь, могу украсть! Даже эту долбаную тюрьму, но для этого мне надо оказаться вне её, а не внутри. Внутри красть нечего, следовательно, профессиональные данные

пропадают все... Хотя, с другой стороны, руки-ноги целы, голова... ещё болит, но пока на месте, а значит – жизнь продолжается! Эх, любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! С вашим атаманом не приходится тужить...

Раздумчивое пение Оболенского прервал мелкий камушек, стукнувший его по макушке. Первоначально он не уделил этому особого внимания. За что соответственно получил по маковке вторично.

– Грех смеяться над больными людьми! – громко объявил Лев, шмыгая носом. Больной не больной, но насморк от такой сырости почти неизбежен... Наверху раздалась приглушённая перепалка. Кто-то с кем-то яростно спорил, и смутные обрывки фраз заставили-таки обиженного узника поднять голову.

– Живой... А ты не верил! Ну, так что, где моя таньга...

– Ты с ума сошёл, клянусь аллахом!

– Да никто не узнает...

– Три таньга?! Мы спорили на четыре!

– Господин Шехмет нас убьёт...

– Ва-а-й, ну ты сам посуди, куда ему со двора деваться?! Хорошо, ещё две таньга...

– А я думал, муфтий не может быть вором...

– Ни за что у нас не сажают! Сам решётку поднимай...

– Где лестница?

– На твои таньга, подавись!

– Вах, зачем так ругаешься? Ты мне их честно проспорил... Эй, уважаемый! Эй!

«Уважаемый» – это, видимо, относилось к Оболенскому. Когда он допетрил, то сразу откликнулся, не дожидаясь третьего камушка. Мелочь, а неприятно...

– Что надо, кровососы?

– Ай-яй, почтенный человек, духовное лицо, а говоришь такие невежливые вещи... – Решётка над отверстием наверху исчезла, на фоне фиолетового неба чётко вырисовывалась голова в необычном, конусообразном тюрбане. – Скажи нам правду, о сидящий в зиндане, ты ли на самом деле настоящий Багдадский вор?

– Ну, допустим...

– Что он сказал? Кого допустим? Куда?! – встревоженно вмешались ещё два голоса, но тот, что расспрашивал заключённого, поспешил успокоить неизвестных товарищей:

– Он сказал «да»! Не позволяйте пустым сомнениям отвлечь вас от истинной причины нашего спора. Вспомните, сколько денег поставлено на кон! Эй, достойнейший Багдадский вор, а это правда, что ты можешь украсть всё на свете?

– Ну, в принципе...

– Где?! – теперь впал в лёгкое замешательство даже говоривший, и Лев вынужденно уточнил:

– Я могу украсть всё, что угодно, но для этого мне необходима некоторая свобода действий.

– А-а... – облегчённо выдохнули все три голоса сразу. Потом голова пропала, решётка опустилась на место, а спорщики, видимо, удалились на совещание. Спустя пару минут всё вернулось на круги своя, а человек в чалме торжественно спросил у Оболенского:

– О великий вор, отмеченный хитростью самого шайтана, можешь ли ты поклясться именем Аллаха, что не причинишь нам вреда, если мы тебя

ненадолго выпустим?

– А зачем?! – на всякий случай крикнул Лев.

– Мы с друзьями поспорили и хотим воочию убедиться в твоём непревзойдённом искусстве...

* * *

Мал золотарь, да ароматен!

Рекламная распродажа

В ту судьбоносную минуту наш герой не думал ни о чём, кроме как о возможности покинуть это тёмное, сырое и смрадное место. Он охотно поклялся светлым именем Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего (а если бы попросили, то и любым дополнительным божеством в придачу, ибо ничего святее свободы для него в тот момент не было). Впрочем, врождённая московская смекалка и опыт юридических увёрток позволили ему исключить из клятвы слово «вред», а сконцентрировать обещание на стандартных: «не убью, не покалечу, не ударю в спину...» и так далее. Ведь под понятием «вред» можно было бы предположить и логичный побег с шехметовского подворья, а Лев скрытно намеревался воспользоваться для этого любым шансом. Итак, в изукрашенном звёздами круге над головой узника показалось бревно. Или, правильнее сказать, толстая жердь с набитыми поперечными брусьями. На Востоке это сооружение смело именовалось лестницей. По ней Оболенский с замиранием сердца и выкарабкался наверх, к долгожданной свободе. Почему долгожданной? А вот вас бы засунуть в такую яму хотя бы на пару часов, и я охотно послушал бы, какие ласковые и красочные эпитеты вы придумали бы этому месту. Лев ощущал себя узником Бастилии, томившимся в застенках как минимум сорок лет! Лестницу тут же вытянули обратно, зиндан прикрыли деревянной решёткой, а Оболенскому связали ноги. Он не протестовал, просто стоял не шевелясь, жадно, полной грудью вдыхая прохладный воздух ночи. Кто-то тронул его за плечо, и блаженно жмурящийся Лев ощутил легкий запах... вокзального туалета! Диссонанс с благоуханиями восточной ночи был так велик, что бедного вора аж передёрнуло от омерзения. Он наконец-то спустился с благословенных небес на грешную землю и соизволил оглянуться...

Его окружали три человека. Двое в стандартных одеждах городской стражи, без копий и щитов, но с ятаганами за поясом, а третий... странный какой-то. Вроде бы упитанный, хотя одет в рванину, на голове чалма уложена конусом сантиметров на шестьдесят в высоту, левая щека перевязана платком, наверное, флюс, и запах... Запах шёл именно от этого третьего!

– Поклянись именем Аллаха, что ты не приблизишься к нам и не нанесёшь нам обиду! – потребовал вонючий тип.

– С превеликим удовольствием, – честно ответил Лев, отступая в сторону. – Да я к тебе под угрозой расстрела не прикоснусь... Мужики, из какого унитаза вы его выловили?

– Это новый золотарь, – хихикнув, просветили стражники. – Он чистит отхожие места и увозит на своем осле мусор.

– Ясненько... Ну, и чего от меня надо друзьям ассенизатора?

– Видишь ли, уважаемый, – опять вмешался в разговор чистильщик сортиров. – Я имел дерзость поспорить с этими высокородными господами, что истинный Багдадский вор способен за одну ночь обчистить всё подворье великого Шехмета.

– А мы клянёмся, что это не под силу никому!

– Как скажете, благородные воины... но я поставил на этого человека все двенадцать таньга и своего осла в придачу.

– Угу... ты ещё штанишки свои положи сверху, и парни сами откажутся от выигрыша... – душевно посоветовал Лев, но общую суть проблемы уловил. – Итак, если я награвлю тут у вас целую гору добра и никто даже не почешется, ты, санперсонал, получаешь?..

– Двадцать четыре таньга, – хором подсказали стражники.

– А если хоть кто-то проснулся или кучка награвленного слишком маленькая, то весь барыш (монетки плюс осёл) идёт доблестным слугам закона?

– Истинно так, – кивнул золотарь.

– Ну а что, собственно, с этого поймею я? – резонно спросил практичный россиянин. Вопрос поставил спорщиков в тупик, но не надолго.

– Независимо ни от чего ты будешь гулять под луной, счастливо наслаждаясь чистым воздухом этой последней ночи. Но до утренней смены тебе придётся вернуть всё украденное на свои места! Утром ты примешь смерть с лёгким сердцем...

– М-да... должен признать, предложение заманчивое, – поразмыслив, согласился наш герой. – Но при одном условии: этот яйцеголовый тип с больным зубом держится от меня подальше. Иначе чистым воздухом подышать мне никак не удастся!

Активных протестов не было, таким образом, всё четверо пришли к взаимоприемлемому соглашению. Оставалось обсудить рабочие детали типа: у кого что и, главное, в какой очерёдности красть? Золотарь помалкивал, видимо все-таки обиженный на Лёвину брезгливость, а вот стражники расстарались вовсю. Не будучи знакомы даже с первоосновами воровского ремесла, они понаказывали такого, что у Оболенского попервоначально едва не отпала челюсть. Во-первых, следовало выкрасть всех лошадей, во-вторых – ограбить кухню, в-третьих – извлечь войсковую казну, а в-четвертых – утащить парадную чалму самого Шехмета! Честно говоря, последнее предложение внесли не стражи, – противный ассенизатор почему-то настоял на неперменной краже у высшего начальства, хотя вроде бы это было и не в его интересах. Территориально всё подворье представляло собой правильный квадрат, обнесённый высоким забором из камня и глины. Большие деревянные ворота запирались на засов, справа от ворот находился двухэтажный особняк Шехмета, рядом плац для занятий с оружием, слева – казармы, конюшня и кузница. В принципе, всё рядом, и, прикинув общий план действий, Лев решил, что, пожалуй, всё-таки справится. Если, конечно, немного поменяет порядок действий...

– Итак, парни, прошу внимания – я начинаю!

– Давай-давай! Да сохрани тебя Аллах, сын шайтана! – воодушевлённо напутствовали спорщики. Оболенский резво шагнул вперёд и... рухнул носом

в пыль – верёвки на ногах позволяли лишь семенить мелкими шажками.

– Не, братва... так дело не пойдёт. Я вам не ёжик какой-нибудь и не расписная китайская невеста! Вор должен двигаться быстро, а с такими условиями я отсюда до казармы только к утру доберусь... Развязывайте на фиг!

– Ай, а вдруг ты захочешь нарушить клятву и убежать?!

– Тогда меня покарает безжалостная десница небес. Они о-о-ох как суровы с клятвопреступниками!

– Вай мэ, какой умный нашёлся... – быстренько скумекали стражи. – А господин Шехмет утром накажет нас, не дожидаясь божественного правосудия! Нет уж... Мы, пожалуй, развяжем тебе ноги, но накинем аркан на шею, чтоб... ты не поддался искушению.

Оболенский едва не искусился другим грехом – сквернословием, но как-то сдержался. Ему почему-то показалось, что местные жители не поймут тех грязных и сочных обозначений, вроде бы естественных вещей и деяний, коими так богат русский мат. Получилось почти в рифму, и Лев обрадовался, решив как-нибудь на досуге попробовать себя в сочинительстве классических рубаи. Ведь его дедушка Хайям ибн Омар слыл здесь признанным поэтом...

– Ну, так что, ты согласен, о вороватый предмет нашего спора? – Подоспевший золотарь уже разматывал длиннющую волосяную веревку.

– Шакал багдадский тебе товарищ... – смачно сплюнул наш герой и кивнул стражникам: – Нате, вяжите, душите, водите на поводке, как пекинеса, только уберите подальше этого ароматизированного труженика. Вам же после него весь двор проветривать придётся...

Чистильщик скрипнул зубом и сжал кулаки. На мгновение щелочки его чёрных глаз блеснули очень знакомым огоньком. Но у Льва, как вы понимаете, не было времени выпрашивать и уточнять...

* * *

Небо в алмазах появляется только после качественного удара о землю...

Астрологическая поправка Авиценны

С кухней особых хлопот не намечалось, на дверях даже не оказалось замка. Видимо, никому и в голову не могло прийти покуситься на остатки вчерашнего ужина. Грязные котлы, закопчённый очаг, чёрные вертела, чан с отбросами и погреб. Вот погреб как раз и оказался запертым, ибо именно там хранилось то единственное, что стоило украсть, – вино! Целых четыре огромных, почти ведёрных, кувшина, каковые Лев и вынес аккуратненько наружу. Верёвка немного давила шею, но в общем позволяла двигаться достаточно свободно. Не сомневайтесь, затарившись среди кухонной утвари двумя вполне сносными ножами, Оболенский легко мог избавиться от унижительного ошейника, но не хотел. Пока не хотел... Когда он выволок наконец четвёртый кувшин и остановился на пороге перевести дух, троица спорщиков уже всю помахивала пиалами. Причём, как наметанно определил опытный в таких делах Лёвушка, пили в основном стражники, а золотарь подливал и произносил тосты. Если это и отдавало чем-то слегка подозрительным, то не настолько, чтобы чрезмерно заострять внимание...

– Братва, а мне не плеснёте на помин души?

– Не наглей, уважаемый... – вежливо, но строго ответил разливающий. – У тебя своя работа, у нас своя. Имеют право честные мусульмане празднично отметить победу или проигрыш?

– Да, но ведь Аллах запрещает...

– А мы по чуть-чуть!

Оболенскому ничего не оставалось, как захлопнуть варежку и направиться к апартаментам Шехмета. Лично у меня во время всего рассказа чесался язык спросить Льва, почему же нигде (ни у конюшни, ни у казарм, ни при входе в штаб-квартиру начальника городской стражи!) ему не встретилось ни одного часового?! Неужели всё подворье, кроме двух легковых любителей поспорить, спало беспробудным сном? Оказывается – да! Часовые были, но совершенно бесстыже спали на своих постах в обнимку с копьями, укрываясь круглыми щитами. Двое у входа в казарму, один у конюшни, четверо у главных

ворот, а ещё двое на пороге шехметовского особняка. Почему спали, вопрос отдельный... Но мы ещё к этому вернёмся, а пока наш герой, беспроblemно проникнув в помещение, едва ли не ногтем открыл длинный кованый сундук и вынес шесть тяжёленьких мешочков с денежками. То есть практически всю войсковую казну городской охраны. Четыре мешка он положил перед восторженно икающими стражниками, а два тихонечко припрятал под мышками. Если золотарь что и заподозрил по несколько раздувшейся фигуре Багдадского вора, то возникать с обличениями не стал, а просто предложил за это выпить! По чуть-чуть, по-мусульмански... Льва такое развитие событий даже устраивало, ибо в его душе зрел план. То есть попросту удрать через забор он мог уже раз двадцать, но уйти из шехметовской темницы и ничего не взять на память... это было выше его сил! Причём следовало так взять на память это что-то для себя, чтоб оно на веки вечные врезалось в память не ему, а всем прочим. (Длинное предложение и немного сумбурное выражение мысли, но я стараюсь сохранять стиль рассказчика...) Так вот, делая вид, что он кругами движется к конюшне, Оболенский исподволь усеивал двор серебряными дихремами. За ним не особенно следили, ходит на верёвочке, и ладно... Когда деньги кончились, даже луна покосилась в удивлении – вся территория городской охраны напоминала теперь звёздное небо! Холодный матовый свет, отражаясь в серебряных монетах, создавал полную иллюзию Млечного Пути и прилегающих созвездий. Оболенский удовлетворённо подмигнул бледной спутнице Земли – его творческой душе нравились подобные параллели... С лошадьми тоже проблем не было, Лев обматывал им копыта тряпками и выпускал по одной, хотя на тряпки пришлось рвать свою же чалму муфтия и халат. Собственно, там и было-то всего десять скакунов. Городская стража ходила по узким улочкам пешком, а десяток всадников использовался крайне редко, как мобильный, вспомогательный отряд быстрого реагирования. Хлопоты доставил только злобный арабский жеребец белой масти, подарок Шехмету от самого эмира. Капризная зверюга попыталась лягнуть Оболенского, а когда дважды промахнулась, то успешно цапнула его зубами за полу уже порядком укороченного халата. Не вступая в диспуты, конокрад просто врезал кулаком по бесстыжей морде, и, мигом присмиривший, озорник пошёл за Львом, как собачонка. Факт разгуливания лошадок по двору «отмечающие» правоверные встретили удовлетворённым гулом. Видимо, понятие «по чуть-чуть» у них немного сместилось в сторону «еще чуть-чуть и...». Краса воров Багдада понял, что пришло его время. Золотарь куда-то исчез, а двое умилённых стражников, повизгивая, уже всю «делили» выигрыш.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/bagdadskiy-vor>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)